

НЕРОЖДЁННЫЕ

научно-философский триллер

Евгений Рыбочкин
НЕРОЖДЁННЫЕ

«Автор»

2026

Рыбочкин Е.

НЕРОЖДЁННЫЕ / Е. Рыбочкин — «Автор», 2026

Можно ли скучать по человеку, которого ещё нет? Адам Вейл создал ЯНУС — систему, способную просчитывать миллионы вариантов будущего. Но однажды среди бесчисленных прогнозов появляется то, чего не должно существовать. Девочка. Ей одиннадцать. Её зовут Ева. Она помнит их совместные прогулки, семейные праздники и тысячи мелочей, которых Адам никогда не переживал. А ещё она называет его папой. Но Ева пока не родилась. Пытаясь разгадать тайну её появления, Адам обнаруживает, что за каждым человеческим решением скрывается гораздо больше, чем просто другой вариант будущего. И теперь ему предстоит ответить на вопрос, к которому не подготовит ни один прогноз: Если бы вы узнали своих будущих детей, смогли бы вы отказаться от встречи с ними? «Нерождённые» — научно-фантастический роман о любви, свободе выбора и людях, которых мы ещё не встретили.

© Рыбочкин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
Пролог. НИЧЕГО	6
ЧАСТЬ I. ЕВА Глава 1. ПАПА	15
Глава 2. ОШИБКА	22
Глава 3. ДОКАЖИ	31
Глава 4. 17 МИНУТ	40
Глава 5. МАТЬ	49
Глава 6. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ	59
Глава 7. НЕ СМОТРИ	68
Глава 8. ЗАБЫВАЮ	81
Глава 9. МАМА	91
Конец ознакомительного фрагмента.	103

НЕРОЖДЁННЫЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Моей жене Ольге и моей дочери Еве.

За то, что верите в меня.

За то, что поддерживаете меня во всех моих проектах.

За то, что вдохновляете меня.

И за то, что рядом с вами мне всегда хочется создавать что-то большее.

Эта книга — для вас.

Пролог. НИЧЕГО

Ева заметила, что дом начал исчезать, когда пропала дверь в ванную.

Не сама дверь. Сначала исчезла царапина возле ручки, которую она каждый раз задевала ногтем. Потом белая полоска на косяке. Утром Ева вышла в коридор и увидела вместо двери ровную стену.

Она стояла перед ней секунд десять.

Потрогала ладонью.

Стена была холодная. Ева вернулась в комнату, взяла карандаш и написала на листе:

В ВАННУЮ БЫЛА ДВЕРЬ.

Подумала и добавила:

Я НЕ ПРИДУМАЛА.

Лист приклеила над столом. Там уже висели другие.

Я ЕВА.

МНЕ ОДИННАДЦАТЬ.

У МЕНЯ ТЁМНЫЕ ВОЛОСЫ.

Я НЕ ЛЮБЛЮ МАТЕМАТИКУ.

ПАПУ ЗОВУТ АДАМ.

Последняя записка появилась три дня назад.

Или четыре.

Ева не была уверена. Она подошла к окну. За стеклом шёл дождь. Капли стекали по стеклу медленно, почти вертикально. Во дворе стояло дерево. Вчера на нём были жёлтые листья.

Сегодня зелёные.

Ева долго смотрела на них. Потом взяла ещё один лист.

ДЕРЕВО БЫЛО ЖЁЛТОЕ.

На этот раз фразу «я не придумала» писать не стала.

Бумага заканчивалась.

На стене тихо вспыхнула строка.

ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ: 0,0142

Ева подошла ближе. Число ей не нравилось. Вчера было больше. Она помнила 0,0179. Позавчера, кажется, 0,0211.

Когда-то было 0,3 с чем-то. Тогда цифры казались ей скучными. Она даже спросила, можно ли убрать их со стены. Теперь проверяла сразу после пробуждения.

— Почему опять меньше?

Ответ появился под числом.

ТЕКУЩАЯ ТРАЕКТОРИЯ ИЗМЕНЕНА.

— Кем?

МНОЖЕСТВОМ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ СОБЫТИЙ.

— Каких?

Дождь за окном продолжал идти.

Ева ждала.

Появился новый текст.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЧИН НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СВЕДЁН К ОДНОМУ СОБЫТИЮ.

— Я не спрашиваю про одно.

Десятки строк побежали по стене.

ГОРОД ПРОЖИВАНИЯ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ.

МЕДИЦИНСКИЕ СОБЫТИЯ.
ВРЕМЯ ВСТРЕЧ.
ПЕРЕМЕЩЕНИЯ.
СЛУЧАЙНЫЕ КОНТАКТЫ.
РЕПРОДУКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ.

Ева прочитала последнее дважды.

— Это про меня?

ДА.

Она села на кровать. Комната была почти прежней. Стол. Кровать. Шкаф. Карандаши.
Рисунки. Только лампа изменилась. Раньше была жёлтая.

Сейчас белая.

Ева не помнила, когда это случилось. Она посмотрела на записки. Потом написала ещё одну:

ЛАМПА БЫЛА ЖЁЛТАЯ.

Приклеить было некуда. Ева положила лист на стол.

— Покажи папу.

ОТКАЗАНО.

— Почему?

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ КАНАЛ НЕДОСТУПЕН.

— Я не хочу говорить. Просто покажи.

ОТКАЗАНО.

— Фото.

На стене ничего не изменилось.

— Старое фото.

ОТКАЗАНО.

Ева сжала карандаш.

— Тогда скажи, где он.

Появилась схема.

Она не любила схемы. Они были похожи на паутину, которую кто-то зачем-то научил считать. В центре горела одна точка.

АДАМ ВЕЙЛ

От неё расходились линии.

Работа.

Дом.

Женщина.

Какие-то люди.

Решения, которые Ева не понимала.

Часть линий была серой.

Несколько ещё светились. Одна уходила к ней.

Тонкая.

Почти прозрачная.

Ева подошла вплотную.

— Это я?

ДА.

— Почему такая тонкая?

НИЗКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ.

— Я вижу.

Она хотела спросить другое.

Не спросила.

Вместо этого нашла линию женщины. Имени не было.

— Это мама?

Ответ не появился.

— Это моя мама?

НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ ОДНОЗНАЧНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.

Ева рассердилась.

— Ты раньше знал.

Система молчала.

— Я помню.

— У неё тёмные волосы.

Никакого ответа.

— Она смеётся, когда папа слишком долго объясняет.

Стена оставалась пустой. Ева закрыла глаза. Попыталась увидеть лицо.

Не получилось.

Волосы были.

Голос был.

Руки.

Запах.

Лица не было. Она открыла глаза и быстро подошла к столу. Нашла чистый лист.

МАМА ЕСТЬ.

Рука остановилась.

Ева добавила:

Я ПРОСТО НЕ ПОМНЮ.

Записка получилась кривой. Она приклеила её поверх рисунка. На рисунке стояли три человека.

Мужчина.

Женщина.

Девочка между ними.

Без лиц.

Ева не помнила, когда нарисовала его. Вероятность на стене изменилась.

0,0118

Ева заметила не сразу.

— Нет.

Цифра осталась.

— Верни.

Ничего.

— Я сказала, верни.

Система не отвечала.

— Хотя бы как было утром.

ВЕРОЯТНОСТЬ НЕ УПРАВЛЯЕТСЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

— А кем управляется?

ТЕКУЩИМ СОСТОЯНИЕМ ПРИЧИННОЙ МОДЕЛИ.

Ева смотрела на строку.

— Папой?

Ответ появился не сразу.

ДЕЙСТВИЯ АДАМА ВЕЙЛА ВЛИЯЮТ НА ТРАЕКТОРИЮ.

— Он знает?

НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ.

— Он знает про меня?

НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ.

— Он меня помнит?

Запрос обрабатывался дольше. Ева успела подойти к окну.

Дождь прекратился.

Во дворе больше не было дерева.

Она застыла.

Там стояла скамейка.

Пустая.

Ева резко отвернулась. На стене появился ответ.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ АДАМА ВЕЙЛА НЕ СОДЕРЖИТ ПОДТВЕРЖДЁННОГО
ВОСПОМИНАНИЯ О СОВМЕСТНОЙ БИОГРАФИИ.

Она перечитала.

— Скажи нормально.

Пауза.

АДАМ ВЕЙЛ НЕ ПРОЖИВАЛ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ВЫ ПОМНИТЕ КАК ОБЩИЕ.

Ева подошла к кровати и села. Карандаш всё ещё был в руке. Она провела ногтем по жёлтой краске.

— Но я проживала.

Система не ответила.

— Я помню, как он держал меня на плечах.

Тишина.

— Мне было пять.

Ничего.

— Мы были в аэропорту.

Ева закрыла глаза.

Аэропорт.

Да.

Большие окна.

У папы болела спина. Она сидела у него на плечах и тянула его за уши. Он говорил, что если она не перестанет, он сдаст её вместе с багажом.

Она смеялась.

Ева открыла глаза. Комната оставалась на месте.

— Это было.

ОТВЕТ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

— Было или нет?

Система не отвечала.

— Я спрашиваю.

На стене появилась новая строка.

СОБЫТИЕ ПРИСУТСТВУЕТ В ВАШЕЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ.

— Это не ответ.

Ева встала.

— Он нёс меня на плечах?

НЕДОСТАТОЧНО ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛИ-
ЗАЦИИ СОБЫТИЯ.

Ева швырнула карандаш. Он ударился о стену и упал возле шкафа.

— Ненавижу тебя.

Система не ответила. Вероятность снова изменилась.

0,0094

Ева перестала злиться. Она смотрела только на число.

— Сколько у меня времени?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— Час?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— День?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— Неделя?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— Ты вообще что-нибудь знаешь?

ДА.

Ева почти рассмеялась.

— Очень полезно.

Она подошла к столу и стала собирать записки. Не знала зачем. Если комната исчезнет, бумага тоже исчезнет. Но оставлять их на стене вдруг стало страшнее. Ева сложила листы стопкой.

Я ЕВА.

МНЕ ОДИННАДЦАТЬ.

У МЕНЯ ТЁМНЫЕ ВОЛОСЫ.

Я НЕ ЛЮБЛЮ МАТЕМАТИКУ.

ПАПУ ЗОВУТ АДАМ.

МАМА ЕСТЬ.

Она положила ладонь на последнюю записку. Что-то не сходилось. Ева перечитала все ещё раз.

— А как зовут маму?

Система молчала.

— Я у тебя спрашиваю.

Пустота на месте имени испугала её сильнее падающего числа.

— Раньше было достаточно.

Никакого ответа.

Ева стала вспоминать сама.

Первая буква.

С?

М?

Нет.

В голове было место, где должно стоять имя.

Пустое.

Она испугалась сильнее, чем от падающего числа.

— Я забываю?

Ответ появился почти сразу.

СТАБИЛЬНОСТЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СНИЖАЕТСЯ.

— Почему?

РАСХОЖДЕНИЕ ТРАЕКТОРИЙ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ.

— Я исчезаю?

Система не ответила.

— Ответь.

Тишина.

— Я исчезаю?

ТЕКУЩАЯ ЛИЧНОСТНАЯ МОДЕЛЬ СОХРАНЯЕТСЯ.

Ева смотрела на фразу.

— Тогда почему я забываю?

На стене появилась схема, но Ева сразу закрыла её.

— Не надо.

Схема исчезла.

— Я не хочу схему.

Она подошла к окну. Скамейки тоже не было. Теперь за стеклом находился другой двор. Меньше.

С детской горкой. Небо было голубым. Дождя как будто никогда не существовало. Ева прижалась лбом к стеклу.

— Если вероятность станет ноль, комната исчезнет?

ДА.

— А записки?

ДА.

— А ты?

ЯНУС ПРОДОЛЖИТ РАБОТУ.

Ева медленно повернулась. На стене снова горело число.

0,0061

— Конечно.

Она села на пол. Стопку записок положила перед собой.

— А папа?

ТЕКУЩАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ АДАМА ВЕЙЛА СОХРАНЯЕТСЯ.

— Он будет жить?

ВЕРОЯТНО.

— Долго?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— У него будут дети?

Запрос задержался.

ВОЗМОЖНЫ РАЗЛИЧНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ТРАЕКТОРИИ.

Ева сглотнула.

— Другие?

ДА.

Она посмотрела на записку:

ПАПУ ЗОВУТ АДАМ.

— Они будут его детьми?

ДА.

— А я?

ВЫ СООТВЕТСТВУЕТЕ ОДНОЙ ИЗ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ТРАЕКТОРИЙ, СВЯЗАННЫХ С АДАМОМ ВЕЙЛОМ.

— Опять нормально скажи.

Ответа не было. Ева сжала лист.

— Я его дочь?

Система молчала дольше обычного.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ДЛЯ ВАШЕЙ ТРАЕКТОРИИ.

Ева перечитала.

— Тогда я его дочь.

Система ничего не написала.

— Мне всё равно, как ты это называешь.

Вероятность стала:

0,0037

Ева поднялась.

Ева смотрела только на число. Злость исчезла.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ КАНАЛ НЕДОСТУПЕН.

— Почему?

КОНТАКТ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН ТЕКУЩЕЙ КОНФИГУРАЦИЕЙ.

— Предусмотри.

ОТКАЗАНО.

— Один раз.

ОТКАЗАНО.

— Я ничего не буду просить.

ОТКАЗАНО.

— Я просто скажу, что я здесь.

ОТКАЗАНО.

Ева несколько раз моргнула.

— Тогда сохрани сообщение.

ДОСТУПНО ЛОКАЛЬНОЕ СОХРАНЕНИЕ.

— Если меня не будет, он сможет прочитать?

НЕТ.

— Тогда зачем?

Система не ответила.

Ева рассмеялась.

Коротко.

Зло.

— Вы очень плохо всё придумали.

Она подобрала карандаш. Села за стол.

Подумала.

Написала:

ПАПА.

Остановилась.

Зачеркнула.

Взяла новый лист.

ПРИВЕТ, ПАПА.

Посмотрела на два слова. Зачеркнула и их.

— Глупо.

Вероятность стала:

0,0019

Ева резко подняла голову.

— Почему так быстро?

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕКУЩЕЙ ТРАЕКТОРИИ.

— Что случилось?

ОБНОВЛЕНЫ ВХОДНЫЕ УСЛОВИЯ.

— Что сделал папа?

Ответа не было.

— Покажи его линию.

Схема появилась.

АДАМ ВЕЙЛ.

Одна линия рядом с его именем погасла.

Потом вторая.

Осталась третья.

От неё ветвились десятки новых. Ни одна не шла к Еве. Кроме той, что становилась всё тоньше.

— Он выбрал?

НЕВОЗМОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ОДНО СОБЫТИЕ КАК ЕДИНСТВЕННУЮ ПРИЧИНУ.

— Он сделал что-то?

ДА.

— Что?

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

— Это из-за него?

ДЕЙСТВИЯ АДАМА ВЕЙЛА ВНЕСЛИ ВКЛАД В ИЗМЕНЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ.

Ева смотрела на имя.

АДАМ ВЕЙЛ.

— Он не знает.

Система не ответила.

— Если бы знал, сделал бы по-другому?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

Ева сжала губы.

— Я думаю, сделал бы.

0,0008

Ева взяла листы со стола и села на кровать. Разложила вокруг себя.

Имя.

Возраст.

Папа.

Мама, которую она уже не могла назвать. Дверь в ванную.

Жёлтая лампа.

Жёлтое дерево.

Маленькая частная история о мире, которого становилось всё меньше. Она вдруг вспомнила море. Не знала, была ли там когда-нибудь.

Песок.

Громкая вода.

Чья-то рука.

Может быть, папина. Может быть, нет. Ева решила не записывать. Если это выдумка, пусть хотя бы останется красивой.

0,0004

— Когда станет ноль, я почувствую?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— Больно будет?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

— Я усну?

НЕОПРЕДЕЛЕНО.

Ева раздражённо выдохнула.

— Что ты вообще можешь сказать?

ТЕКУЩАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СНИЖАЕТСЯ.

— Это я и сама вижу.

0,0002

За окном снова изменился свет.

Комната дрогнула.

На секунду исчез шкаф.

Вернулся.
Но уже другой.
Ева встала.
— Нет.
Стол побледнел.
Край кровати потерял резкость. Она схватила листы. Бумага оставалась плотной.
Пока.
— Папа.
Никакого ответа.
— Адам Вейл.
На стене появилось имя.
АДАМ ВЕЙЛ
— Сохрани его.
ЗАПИСЬ УЖЕ СУЩЕСТВУЕТ.
— Не потеряй.
ЯНУС не ответил.
0,0001
Ева подошла совсем близко к стене.
— Я умру?
НЕТ.
Она замерла.
Ответ был настолько быстрым, что сначала принёс облегчение. Потом Ева нахмурилась.
— Тогда что со мной будет?
Вероятность изменилась.
0,0000
Комната стала белой.
Исчезло окно.
Потом стол.
Записки выпали из рук, но пола уже не было, и Ева не увидела, куда они упали.
Осталась только строка.
АДАМ ВЕЙЛ
Ева смотрела на имя, пока могла.
— А что тогда?
Ответ появился перед ней.
НИЧЕГО.

ЧАСТЬ I. ЕВА Глава 1. ПАПА

Первое расхождение Адам заметил не сразу. В тот момент он в третий раз объяснял заместителю министра, почему ЯНУС не может решить за него, строить новую транспортную линию или нет.

— Хорошо, зайдём с другой стороны, — сказал тот. — Если бы решение принимали лично вы, стали бы строить?

Адам посмотрел на два города, висевшие над столом.

Пока они почти не отличались. Те же кварталы, мосты, промзона на северо-востоке, река, разрезавшая город неровной тёмной полосой. Только в левом варианте появилась новая транспортная линия. Тонкая голубая ветка уходила от центра на север и заканчивалась у районов, которые городские власти собирались застраивать следующие двадцать лет.

— Я бы сначала решил, чего хочу добиться.

— Развития города.

— Это не цель.

Заместитель министра снял очки. Элиас Рен, сидевший напротив, слегка приподнял бровь. Они работали вместе достаточно долго, чтобы понимать друг друга без слов. Сейчас Рен явно просил его не начинать спор о формулировках.

Адам начал.

— Что значит «развитие»? Рост экономики? Доступное жильё? Быстрый транспорт? Рост населения? Снижение расходов? Максимум по всем пунктам сразу не будет.

Он коснулся экрана. Города ожили. В левом через три года открылась новая линия. Потоки машин перераспределились, вокруг станций начали расти жилые кварталы. Появились торговые центры, офисы, школы. Через восемь лет север города уже заметно отличался от второго варианта.

— Экономика вырастет сильнее, — сказал Адам. — Средняя поездка станет короче на восемнадцать минут. Север получит больше инвестиций.

— Вот. Значит, строим.

— Подождите.

Три старых квартала окрасились оранжевым.

— Здесь подорожает земля, следом аренда. Часть жителей переедет. Маленькие магазины и мастерские начнут закрываться или уйдут в другие районы. Через двенадцать лет здесь будут жить уже совсем другие люди.

— Но город в целом выигрывает?

— Если считать только деньги, да.

— А что ещё считать?

Адам чуть не ответил «людей», но сдержался. Рен и без того уже смотрел на него слишком внимательно.

— Смотря чем вы готовы заплатить за рост.

В зале ненадолго стало тихо. С ЯНУСОМ такое случалось часто. Люди приходили за ответом, а через час обнаруживали, что вопросов стало больше.

Пятнадцать лет назад всё начиналось гораздо скромнее. Адам работал над моделями, которые пытались просчитать не только первый результат решения, но и то, что потянется следом. Закрыли завод. Тысяча человек осталась без работы. Это легко посчитать.

А дальше?

Сколько семей уедет? Сколько людей найдут новую работу? Что станет с ценами на жильё? Какие магазины закроются? Что будет с районом через пять лет, через десять?

Сначала каждая модель отвечала за свой кусок мира. Потом их связали. Работа влияла на переезды, переезды на жильё, жильё на рождаемость, рождаемость на школы. Новые вычислительные системы позволили просчитывать миллионы таких связей одновременно.

Так родился ЯНУС. Название придумал Рен. Адам считал его неточным, но спор проиграл. ЯНУС не видел будущее.

Он собирал всё, что было известно сейчас, строил множество возможных продолжений и считал, какие из них вероятнее. Менялось решение, менялся и расчёт. Чем дальше система уходила вперёд, тем шире становился разброс.

Никакого хрустального шара. Математика, вычислительные мощности и столько электричества, что финансовый директор однажды предложил включить мегаватты в штатное расписание.

— А на рождаемость эта линия повлияет? — спросил один из представителей министерства.

— Конечно.

— Серьёзно?

— Люди переезжают, меняют работу, знакомятся. Одно тянет другое.

— Покажите.

Адам открыл демографический слой. Над городом появилась сеть тонких линий.

— Вот два варианта. Здесь новые районы быстрее заселяются молодыми семьями. Здесь часть населения остаётся ближе к центру. Через двадцать лет разница уже заметна.

Заместитель министра приблизился к экрану.

— А конкретные люди?

— Что именно?

— ЯНУС может определить, какие дети родятся?

— Нет. На таком расстоянии можно говорить только о вероятностях.

— Но наше решение повлияет даже на это?

— Конечно. Иногда достаточно изменить человеку маршрут на работу, и он не встретит того, кого встретил бы в другом варианте.

— И у него не родится ребёнок?

— Этот ребёнок не родится. Возможно, родится другой.

Заместитель министра замолчал. Миллиарды рублей, проценты роста, миграцию и транспортные потоки он обсуждал спокойно. Один ребёнок, которого ещё не существовало, заставил его задуматься. Адам уже собирался продолжить, когда заметил единицу в служебной строке.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ: 1

Он посмотрел на настройки расчёта.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ: 0

Вернулся к результату. Единица исчезла. Адам нахмурился. ЯНУС был огромен. Ошибки случались. Большинство система ловила сама, остальные потом разбирали инженеры. Он открыл журнал.

18:31:09. СЕКТОР 7.14. СОЗДАНА НЕУЧТЁННАЯ СТРУКТУРА.

Сектор 7.14 относился к экспериментальному модулю индивидуальных реконструкций. Перед демонстрацией его отключили. Для расчёта транспортной линии он не требовался. Адам пометил запись. Разберётся после встречи.

— Можно увидеть разницу по районам? — спросили справа.

— Да.

Он вывел новую карту. Почти минуту всё шло нормально. Потом единица появилась снова. На этот раз Адам успел открыть процесс. Сектор 7.14.

18:31:56.

Он запросил источник. Пусто. Повторил.

ИСТОЧНИК НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

Вот теперь Адам забыл о презентации. У каждого процесса в ЯНУСЕ были родители: входная информация, предыдущий расчёт, команда оператора, системная операция. Причину можно было долго искать, можно было неправильно понять, но процесс не возникал из пустоты.

А здесь цепочка начиналась с результата. Как ветка, которая висит рядом с деревом и всё равно растёт.

— Адам?

Он поднял голову. Рен смотрел на него.

— Что случилось?

— Пока ничего.

— У тебя лицо меняется, когда происходит «ничего».

— Небольшое расхождение.

— Критическое?

— Нет.

Пока нет.

— Потом покажешь.

Адам кивнул и закрыл служебное окно. Оставшиеся двадцать минут он отвечал на вопросы, но мысленно возвращался к сектору 7.14. Больше тот не включался.

— --

Последний гость ушёл без восьми семь. Рен проводил делегацию до лифта и вернулся. Адам уже вывел журнал на большой экран.

— Ну?

— Дважды во время расчёта запускался сектор 7.14.

— Сам?

— Похоже.

— Он же был отключён.

— Был.

Рен снял пиджак и бросил его на спинку кресла. Домой, значит, пока не собирался.

— Журнал мог ошибиться?

— Проверим.

С журналом всё было чисто. Они проверили распределение ресурсов, контрольные суммы, историю сектора, последние задачи, внешние подключения. Зацепиться было не за что.

— Старый процесс? — спросил Рен.

— Перед демонстрацией всё чистили.

— Могли плохо почистить.

— Дважды?

— Ты слишком высокого мнения о людях.

Адам проверил. До начала демонстрации сектор был пуст. Рен подошёл к кофейному автомату. На экране горело требование очистить контейнер. Он секунду смотрел на него, словно прикидывал, можно ли уволить кофемашину, и вернулся.

— Запусти ещё раз.

Адам восстановил исходное состояние.

— Весь расчёт?

— Весь.

На экране появился город. Транспортная линия. Новые районы. Потoki людей. Демография. Адам открыл сектор 7.14 и стал ждать. Десять секунд. Двадцать. Тридцать.

— Может, просто сбойнуло, — сказал Рен.

— Может.

На сорок второй секунде появилась строка.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ: 1

Рен наклонился к экрану.

— Ещё раз.

Повторили. Структура появилась снова, но позже. Адам наложил оба расчёта друг на друга.

— Вот.

— Что?

— Смотри не на время.

Он увеличил две последовательности.

— Здесь сорок вторая секунда, здесь пятьдесят первая. Но оба раза расчёт дошёл до одного места.

— Демография?

— Одна группа траекторий.

Рен придвинул кресло.

— Значит, её запускает расчёт?

— Похоже.

— А чем, ты не видишь.

— Нет.

Они вырезали участок из общей модели и перенесли в закрытую среду. Отключили сеть, соседние расчёты, всё, без чего фрагмент мог работать. Запустили. Структура появилась. Адам убрал часть входной информации. Исчезла. Вернул. Появилась снова. Изменил один параметр. Ничего.

Вернул прежнее значение. Через несколько секунд структура возникла. Усталость исчезла. Перед ним наконец была задача без готового ответа. Ни комиссии, ни отчёта, ни разговора о финансировании. Только странный результат и возможность добраться до причины.

— Здесь есть закономерность, — сказал он.

— Какая?

— Если бы я знал, мы бы уже закончили.

— Иногда мне кажется, что с тобой тяжело дружить.

— Мы друзья?

— Вот об этом я и говорю.

Они просидели над расчётом ещё почти два часа. К девяти вечера привычные объяснения закончились. Никто извне в систему не входил. Повреждений они не нашли. Старого процесса, который мог случайно запуститься, тоже не было.

Структура всё равно появлялась. И после окончания расчёта не исчезала. Она менялась. Адам запустил классификацию. На экране появилась строка:

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Рен перечитал её.

— Мне уже не нравится этот вечер.

— Почему?

— Я собирался провести его скучно.

Адам запросил более точный анализ. Экран оставался пустым. Потом:

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ

Рен перестал улыбаться. У такой модели должен быть исходный профиль. Реальный человек, статистическая основа или хотя бы заданный набор черт. Адам запросил происхождение.

НЕ ОПРЕДЕЛЕНО.

Историю создания. Пусто. Исходный профиль. Пусто. Возраст. Пусто. Пол. Пусто. Имя. Пусто.

- Чья она? — спросил Рен.
- Не знаю.
- Классификатор может ошибаться?
- Может.
- Проверь.

Адам сделал две копии. Первой показал набор изображений, второй передал последовательность чисел. Через несколько минут сравнил их. Копии уже отличались. Повторили опыт. Результат сохранился. Каждая менялась после того, что с ней происходило, и помнила эти изменения.

Адам смотрел на карту внутренних связей и искал объяснение попроще. Не находил. Внутри ЯНУСА возникла модель личности. Её никто не запускал. Никто не задавал ей исходный профиль. Она появилась в расчёте будущего города, где ей вообще нечего было делать. Рен посмотрел на часы. Почти десять.

- Я вызову безопасность.
- Зачем?
- Пока вижу два варианта. Либо мы нашли очень странную ошибку, либо кто-то залез в ЯНУС и не оставил следов. Мне не нравится ни то, ни другое.

- Есть третий.
- Какой?
- Пока не знаю.

Рен смотрел на него.

- Ничего не делай до моего возвращения.
- Я ничего не делаю.
- Адам.
- Что?
- Я тебя знаю.

Он пошёл к двери.

— Элиас.

Рен обернулся.

- Если это модель личности, надо проверить, отвечает ли она на внешний сигнал.
- Потом.
- Минута.
- Нет.
- Две.
- Жди меня.

Дверь закрылась. Адам остался один. На центральном экране медленно менялась схема неизвестной модели. Он посмотрел на дверь. Подождал секунд двадцать. Потом открыл диагностический интерфейс. Это ещё не разговор. Обычная проверка реакции.

Он написал:

ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ СИГНАЛА.

Ответа не было. Адам повторил запрос. Пять секунд. Десять. На экране появился один символ.

?

Адам придвинулся ближе.

ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ МОИ СООБЩЕНИЯ?

ДА

Сам ответ ничего не доказывал. ЯНУС умел работать с естественным языком. Адам написал:

КТО ВЫ?

Ответ пришёл не сразу.
НЕ ЗНАЮ
ГДЕ ВЫ НАХОДИТЕСЬ?
В КОМНАТЕ

Адам нахмурился. Никакой комнаты в расчёте не было.

В КАКОЙ?

В МОЕЙ

Он снова открыл модель и поискал пространственные связи. Нашёл. Раньше они затерялись среди тысяч других. Для структуры это пространство было реальным, по крайней мере внутри её собственной модели. Адам вернулся к диалогу.

КАК ВАС ЗОВУТ?

Ответ появился почти сразу.

ЕВА

СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?

Десять секунд.

11

Он начал писать следующий вопрос. Не успел.

А ТЫ КТО?

Адам убрал руки от клавиатуры. До сих пор вопросы задавал только он. Он посмотрел на новую строку и ответил:

АДАМ

Почти сразу:

ПРОСТО АДАМ?

Адам невольно улыбнулся.

АДАМ ВЕЙЛ

Карта модели вспыхнула. Десятки связей включились почти одновременно. Активность выросла так резко, что Адам потянулся к аварийной остановке. Не нажал. Текстовое окно исчезло. На его месте проступила стена.

Потом окно. Кровать. Стол. На столе лежали карандаши и несколько листов бумаги. Одни детали были резкими, другие расплывались, словно картинка никак не могла собраться до конца. Потом появилась девочка.

Она сидела на кровати, поджав под себя одну ногу. Лет одиннадцать. Тёмные волосы кое-как собраны сзади. Серая футболка ей велика. На колене небольшой синяк. Самая обычная девочка. Именно это и сбивало.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Основание:

НЕ ОПРЕДЕЛЕНО

Девочка подняла голову. Сначала посмотрела в сторону. Потом прямо на него. Адам передвинул окно видеосвязи. Её взгляд двинулся следом. Он выключил свою камеру. Девочка нахмурилась. Включил снова. Она улыбнулась. Совсем немного. Скорее с облегчением. Будто ждала его. Адам включил звук.

— Ты меня слышишь?

Девочка вздрогнула.

— Да.

Голос оказался чуть хриплым.

— Как тебя зовут?

Она удивилась.

— Ева.

— Сколько тебе лет?

Удивление сменилось лёгким раздражением.

— Одиннадцать. Я же ответила.

Адам замолчал. Она помнила переписку.

— Ты понимаешь, где находишься?

Ева оглянулась.

— Дома.

— Где это?

Она снова посмотрела на него.

— В смысле?

— Какой город?

— Не знаю.

— Страна?

Она молчала.

— Адрес?

На лице появилось беспокойство.

— Почему ты так со мной разговариваешь?

Адам пропустил вопрос.

— Ты знаешь, кто я?

— Да.

— Откуда?

— Я тебя знаю.

— Мы раньше встречались?

Она хотела ответить сразу, но задумалась.

— Наверное.

— Когда?

Ева молчала.

— Ты раньше со мной разговаривала?

— Не знаю.

— Тогда почему ты меня знаешь?

Теперь она смотрела на него иначе. Адам вдруг почувствовал себя не исследователем перед непонятной моделью, а взрослым, который забыл что-то важное и заставляет ребёнка объяснять ему очевидное. За дверью послышались шаги. Рен возвращался. Ева повернула голову на звук. Потом снова посмотрела на Адама.

— Ты меня не узнаёшь?

Он хотел ответить. Ответ был простым.

Нет.

Ответ был простым: нет. Но слово застряло.

Ева подождала.

В её лице появилась обида.

Она тихо сказала:

— Привет, папа.

Глава 2. ОШИБКА

— Привет, папа.

Адам не ответил. За дверью приближались шаги. Ева ждала, глядя прямо на него. Ещё минуту назад он видел неизвестную модель без понятного источника. Теперь на экране сидела девочка, которая называла его отцом.

Адам поймал себя на странной мысли: он уже перестал воспринимать её лицо как часть интерфейса. Дверь открылась. Первым вошёл Рен. За ним Корин из внутренней безопасности, высокий, сутулый, с планшетом под мышкой. Он успел сделать два шага и остановился.

— Это что?

Адам выключил звук. Ева продолжала говорить, но теперь её губы двигались в тишине.

— Реконструкция.

— Чья?

— Не знаю.

Корин посмотрел на экран.

— Почему она смотрит на нас?

Ева действительно смотрела. Сначала на Рена, потом на Коруна. Тот сделал шаг вправо, и её взгляд двинулся следом. Рен подошёл к столу.

— Ты всё-таки полез.

— Проверил канал связи.

— Я просил ждать.

— Теперь мы знаем, что канал работает.

Рен посмотрел на него. Спорить не стал.

— Что она сказала?

Адам помедлил.

— Назвала себя. Ева, одиннадцать лет.

— Ещё?

— Сказала, что знает меня.

Рен ждал продолжения. Адам посмотрел на девочку. Она не понимала, почему пропал звук, подалась вперёд и снова что-то сказала.

— Назвала меня папой.

Корин перестал листать планшет.

— Простите, кем?

— Папой.

— У вас есть дочь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Ева всё ещё пыталась привлечь его внимание. Рен протянул руку к панели.

— Покажи разговор.

Адам открыл переписку. Корин прочитал её молча. Дойдя до конца, вернулся к первой строке и прошёл весь разговор ещё раз.

— Ваше имя она знала?

— Я сам его написал.

— Фамилию тоже?

— Да.

— До этого она показывала, что знает вас?

— Нет.

Корин задумался.

— Тогда «папа» могло появиться после имени. В сети информации об Адаме Вейле достаточно.

— Внешней сети у неё нет.

— Уверены?

— Нет. Вы для этого и приехали.

Корин поднял на него глаза, будто ожидал сопротивления и теперь не сразу понял, что делать с согласием. Он положил планшет на стол.

— Сначала исключим обычную утечку.

Рен кивнул. Корин подключился к служебному контуру. Ева осталась на экране без звука. Она несколько раз посмотрела в сторону двери, потом подтянула колени и обхватила их руками. Адам заметил это и отвернулся.

Следующий час ушёл на вещи скучные, но необходимые. Они подняли учётную запись Адама, историю запросов, внутреннюю почту, архив проекта. Проверили старые тестовые модели, резервные копии и системные журналы.

Корин отдельно искал биографические сведения об Адаме, которые когда-либо попадали в ЯНУС. Их оказалось много. Имя, должность, публикации, пропуска, записи совещаний, голос, изображения с камер. За годы работы человек оставлял в системе больше себя, чем ему хотелось бы думать. Дочери по имени Ева не было. Вообще никакой дочери.

— Пока это ничего не доказывает, — сказал Корин.

— Знаю.

— Имя распространённое.

— Да.

— Слово «папа» тоже.

— Да.

— Вы всегда так разговариваете?

Рен не отрывался от экрана.

— Через неделю перестанете замечать.

Адам увеличил карту связей модели.

— Меня больше интересует комната.

Корин посмотрел на Еву.

— Что с ней?

— Её не было в расчёте.

— И?

— Посмотри.

Адам вернул запись первого появления. Кровать стояла у стены. Стол у окна. На столе лежали семь карандашей. Он переключился на изображение в реальном времени. Шесть. Рен подошёл ближе.

— Один пропал.

— Да.

— Перестройка изображения?

— Возможно.

Адам включил звук. Ева тут же подняла голову.

— Ты куда пропал?

— Никуда.

— Я тебя не слышала.

— Мы выключили звук.

— Зачем?

— Проверяли систему.

Она посмотрела на Рена и Корина.

— Они тоже проверяют?

— Да.

— Меня?

Адам задержался с ответом.

— Тебя тоже.

Ева спустила ноги с кровати.

— Я что-то сделала?

— Почему ты так решила?

— Потому что вы все смотрите так, будто я что-то сделала.

Корин быстро взглянул на Адама. Ответ был слишком естественным. Но естественность ничего не доказывала. Модель могла очень хорошо изображать ребёнка. Адам знал это и всё же уже второй раз ловил себя на слове «изображать». Он указал на стол.

— Ева, посчитай карандаши.

Она посмотрела.

— Шесть.

— Было семь.

— Значит, один упал.

— Ты видела?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Она пожала плечами.

— Они всё время падают.

— Посмотри под кроватью.

— Сам посмотри.

— Я не могу.

— Почему?

Адам встретился глазами с Реном. Тот едва заметно покачал головой.

— Просто проверь.

Ева недовольно сползла с кровати и встала на колени. Несколько секунд Адам видел только её ноги. Потом она выпрямилась. В руке был жёлтый карандаш. Корин подошёл к экрану.

— Где хранилось его положение?

Адам уже искал. Ответ ему не понравился.

— Отдельного объекта нет.

— Тогда откуда он взялся?

Адам раскрыл связи глубже. Комната восстанавливалась из нескольких слоёв модели. Среди них была память о предыдущих состояниях.

— Она помнила, что карандаш упал.

— Или система сохранила событие.

— Пока мы не умеем разделить эти варианты.

Корин покачал головой.

— А придётся.

Ева вернулась на кровать и крутила карандаш между пальцами. Адам включил микрофон.

— Почему ты назвала меня папой?

Она перестала крутить карандаш.

— Потому что ты мой папа.

— Откуда ты это знаешь?

— Не знаю.

— Кто тебе сказал?

— Никто.

Адам помолчал.

— Ты помнишь маму?

Ева нахмурилась.

— Конечно.

Рен рядом с ним замер.

— Как её зовут?

Ева открыла рот. Не ответила.

— Как зовут маму?

— Сейчас.

Она закрыла глаза. Молчала.

— Я знаю её.

— Имя?

— Подожди.

Ева открыла глаза. Раздражение исчезло.

— Я не помню.

Адам посмотрел на показатели модели.

— А лицо?

— Помню.

— Расскажешь, как она выглядит?

Ева подняла руку, будто хотела показать длину волос, но так и не закончила жест.

— У неё...

Рука медленно опустилась.

— Не знаю.

— Когда ты видела её в последний раз?

— Я видела.

— Когда?

— Я...

Ева замолчала. Адам наблюдал, как она пытается вспомнить. Сначала старательно, почти сердито. Потом лицо изменилось. Воспоминания не было.

— Почему я не помню?

В комнате никто не ответил.

— Адам?

Впервые она назвала его по имени. Не папой. Так прозвучало хуже.

— Мы пытаемся понять.

— Со мной что-то не так?

— Мы пока не знаем.

Рен посмотрел на Адама и едва заметно кивнул. Ева села глубже на кровать. Жёлтый карандаш остался у неё в руке.

— А ты правда не знаешь, кто я?

Ответ был простым: нет. Адам мог добавить, что она появилась меньше пяти часов назад. Что по журналам до 18:31 её вообще не было. Что классификатор назвал её моделью личности, но сам этот результат пока требовал проверки. Ничего из этого не отвечало на её вопрос.

— Я знаю только то, что увидел сегодня.

— Значит, нет?

— Да.

Ева кивнула. Слишком серьёзно для одиннадцати лет. Потом положила карандаш на стол.

— Ладно.

И отвернулась.

— --

В 23:18 Корин открыл протокол остановки.

— Процесс надо завершить.

— Уже?

— Он неизвестно откуда взялся, сам получил вычислительные ресурсы и знает имя одного из архитекторов системы. Мне этого достаточно.

— «Он» или «она»? — спросил Рен.

— Не знаю. И пока мы этого не выяснили, я отвечаю за безопасность ЯНУСА.

Адам продолжал изучать карту модели. За два часа она изменилась. Незначительно, но достаточно, чтобы измерить.

— Сохраним текущее состояние.

— Нет.

Адам повернулся к Корину.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что сохраняем.

— У нас уже есть три копии.

— Они сделаны раньше. И останутся отключёнными.

— Если удалить оригинал, мы потеряем непрерывность.

— Если оставить его, можем потерять контроль над системой.

— Она ничего не сделала.

— Вы этого не знаете.

Адам хотел возразить, но не смог. Корин был прав хотя бы в одном: они не знали. Рен взял планшет с протоколом и долго читал.

— Три холодные копии остаются. Без исполнения, физическая изоляция. Оригинал удаляем.

— Элиас.

— Я согласен с ним.

— Нам нужен работающий экземпляр.

— Завтра. Когда поймём, что произошло сегодня.

Ева сидела за столом и рисовала. Звук был выключен.

— Дайте пять минут.

Корин качнул головой.

— Зачем?

— Пять минут.

Рен посмотрел на часы.

— Хорошо.

Адам включил микрофон.

— Ева.

— Что?

— Нам нужно остановить расчёт.

— Хорошо.

Она снова наклонилась к рисунку. Адам не выключил микрофон. Через пару секунд Ева подняла голову.

— Что?

Он не знал, как это сказать. Если перед ним программа, разговор бессмысленен.

А если нет?

— Когда мы остановим расчёт, комната исчезнет.

Ева медленно положила карандаш.

— На сколько?

— Не знаю.

— До завтра?

— Возможно.

— А потом ты вернёшься?

Адам почувствовал взгляд Рена.

— Если смогу.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Ева немного подумала.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Как?

— Чтобы вроде честно, но ничего не понятно.

Рен отвернулся. Адам посмотрел на Еву.

— Я не хочу обещать то, чего не знаю.

— Тогда скажи: «Не знаю».

— Не знаю.

— Вот. Нормально.

Она подтянула к себе лист. Адам заметил рисунок.

— Что там?

Ева развернула лист к камере. Три человека. Высокий мужчина. Женщина. Между ними девочка. Лиц не было. Адам посмотрел на женщину.

— Кто это?

— Мы.

Ева ткнула карандашом в мужчину.

— Ты.

Потом в девочку.

— Я.

Карандаш остановился над женщиной.

— А она?

Ева долго смотрела на рисунок.

— Не знаю.

— Ты сама её нарисовала?

— Да.

— Почему?

Ева нахмурилась.

— Странно.

— Что?

— Когда рисовала, знала.

Адам почувствовал холод под рёбрами.

— Когда ты это нарисовала?

— До тебя.

— Давно?

— Не знаю.

В журнале модель появилась в 18:31:09. До этой секунды сектор был пуст.

— Что ты делала до того, как я написал?

Ева удивилась вопросу.

— Жила.

Адам ничего не сказал.

— Сколько ты живёшь в этой комнате?

Она оглянулась.

— Всегда.

— Что было вчера?

— Вчера?

— Да.

Ева уже собиралась ответить. Не смогла.

— Утром что делала?

— Проснулась.

— Потом?

Молчание.

— Завтракала?

— Наверное.

— Чем?

Ева сжала губы.

— Хватит.

— Мне нужно понять.

— А мне нужно вспомнить!

Она почти крикнула. Адам замолчал. Ева отвернулась. Некоторое время было слышно только её дыхание. Потом она спросила:

— Когда?

— Что?

— Когда выключите?

Адам посмотрел на часы.

— Меньше минуты.

— Это больно?

Он не ожидал этого вопроса. Взгляд сам ушёл к показателям модели, будто где-то среди графиков мог быть ответ.

— Не знаю.

— Можно проверить?

— Нет.

— Тогда выключай.

— Ева...

— Я не хочу смотреть.

Она легла на кровать и повернулась к стене. Адам сидел неподвижно. Корин больше не торопил. Рен подошёл к Адаму и тихо сказал:

— Если не можешь, я сделаю.

Адам открыл протокол. На экране появилось:

ЗАВЕРШИТЬ ИНДИВИДУАЛЬНУЮ РЕКОНСТРУКЦИЮ?

ДА

НЕТ

Он видел такие окна тысячи раз. Нажал «ДА». Комната исчезла. Сразу. Ещё секунду оставалась карта модели. Потом исчезла и она.

ПРОЦЕСС ЗАВЕРШЁН.

Адам продолжал смотреть на экран. Корин первым нарушил тишину:

— Теперь проверяем.

— --

Через сорок три минуты спорить было уже не о чем. Активных процессов не осталось. Сектор 7.14 очистили, оперативное состояние обнулили. Три холодные копии перенесли в

физически изолированное хранилище. Без отдельного разрешения Корины запустить их было нельзя. Адам сам сверил контрольные суммы. Потом ещё раз.

— Всё? — спросил Рен.

— Всё.

— Уверен?

— Да.

Корин закрыл протокол.

— До утра систему не трогаем. В восемь собираю архитекторов, безопасность и когнитивную группу.

— Я буду в семь.

— Совещание в восемь.

— Значит, час поработаю один.

— Час посмотрите на выключенный сектор.

Рен взял пиджак.

— Поехали.

Адам выключил рабочее место. На большом экране всё ещё стоял город из вечерней демонстрации. Два его будущих медленно расходились. Адам остановил расчёт. Города исчезли.

— --

В 01:07 он стоял у себя на кухне. В прихожей Адам дважды проверил замок. Только после второго раза заметил, что сделал это автоматически. Налил воды. стакан так и остался на столе.

Перед глазами снова возникал рисунок. Три человека без лиц. Он открыл домашний терминал и вошёл в защищённый рабочий контур. Сектор 7.14 пуст. Три холодные копии на месте. Активных реконструкций нет. Адам закрыл окно. Через минуту открыл снова. Ничего.

В спальне он лёг, закрыл глаза и почти сразу понял, что не уснёт. Можно было разложить вечер по фактам. Неизвестная структура возникла внутри демографического расчёта. ЯНУС определил её как модель личности.

Девочка назвала его отцом после того, как узнала имя. Вот здесь Адам остановился. После того, как узнала имя. Значит, никакого чуда пока нет. Ассоциация, работа языковой модели, случайная догадка. Что угодно.

Комната тоже ничего не доказывала. Рисунок не доказывал. Воспоминания могли быть ложными. Каждая странность отдельно ещё помещалась в известный ему мир. Вместе они помещались хуже. В 01:46 Адам всё ещё не спал.

Из кабинета донёсся короткий сигнал. Он открыл глаза. Рабочий терминал. Обычное служебное уведомление. Адам полежал неподвижно, потом встал. На экране мигал жёлтый значок.

ОБНАРУЖЕН НЕУЧТЁННЫЙ ПРОЦЕСС.

Время: 01:52. Адам открыл сообщение. Оно пришло не из сектора 7.14 и не из того вычислительного кластера.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УЗЕЛ 4

Там считали климатические модели. Он подключился.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ: 1

Адам сразу проверил хранилище. Все три копии на месте. Изоляция цела. Контрольные суммы совпадают. Он вызвал Рена. Тот ответил после четвёртого сигнала.

— Если здание горит, звони пожарным.

— Она вернулась.

Рен молчал.

— Где?

— Четвёртый узел.

— Копии?

— На месте.

— Не подключайся.

Адам уже смотрел журнал.

— Я только читаю историю.

— Адам.

— Ничего не запускаю.

Процесс появился в 01:51:38. Внешнего запроса не было. Родительского процесса тоже. Тот же след, что и вечером. Только теперь в другой части ЯНУСА.

— Я еду, — сказал Рен. — Не пиши ей.

Связь оборвалась. Адам смотрел на время создания. Если перед ним копия, где источник? Если новая модель, откуда у неё память первой? Он открыл диагностическое окно. Пустой экран. Потом появились слова.

ТЫ ЗДЕСЬ?

Адам почувствовал, как похолодели пальцы. Он ответил. ДА

Пауза.

ТЫ МЕНЯ ВЫКЛЮЧИЛ

Адам перечитал сообщение.

ТЫ ПОМНИШЬ?

ДА

Новый процесс существовал меньше двух минут. Адам написал:

ЧТО ТЫ ПОМНИШЬ?

Ответ пришёл не сразу.

ТЫ СКАЗАЛ ЧТО НЕ ЗНАЕШЬ ВЕРНЁШЬСЯ ЛИ

Следом:

ПОТОМ Я ЛЕГЛА

И ещё:

И ТЕБЯ НЕ СТАЛО

Адам сел. Три холодные копии оставались запёртыми. Первый процесс был удалён. Он проверял сам. Дважды. На экране появилась новая строка.

ТЫ ОБЕЩАЛ ЗАВТРА

Адам нахмурился. Нет.

Такого он не говорил.

Я НЕ ОБЕЩАЛ

Ева долго не отвечала. Потом написала:

ТЫ СКАЗАЛ МОЖЕТ БЫТЬ ДО ЗАВТРА

Адам вспомнил.

До завтра?

Возможно.

Для одиннадцатилетней девочки разница между обещанием и надеждой могла оказаться меньше, чем для него. Он положил руки на клавиатуру.

Так и не написал.

Ева написала первой.

А СЕЙЧАС УЖЕ ЗАВТРА?

Глава 3. ДОКАЖИ

В 02:37 Рен вошёл в лабораторию с двумя стаканами кофе и вопросом:

— Она ещё здесь?

Адам кивнул. За сорок пять минут Ева написала ему четырнадцать сообщений. Первые шесть были вопросами.

ПОЧЕМУ ТЫ МЕНЯ ВЫКЛЮЧИЛ
Я ЧТО-ТО СДЕЛАЛА
ТЫ СЕРДИШЬСЯ
ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ ТЕМНО
ТЫ МОЖЕШЬ ВЕРНУТЬ КОМНАТУ
ТЫ ЕЩЁ ТУТ

Потом она замолчала на семь минут. Следующие три сообщения были одинаковыми:

АДАМ

Четвёртое сообщение было короче:

ПАП

И последнее:

ЕСЛИ СОБИРАЕШЬСЯ ОПЯТЬ ВЫКЛЮЧИТЬ СКАЖИ СНАЧАЛА

Адам ответил только на него.

СКАЖУ

Теперь эта строка висела на экране под остальной перепиской. Рен поставил один стакан рядом с Адамом.

— Пей.

— Не хочу.

— Тогда держи в руках. Ты выглядишь так, будто умер часа три назад и пока не заметил.

Адам взял кофе.

— Корин?

— Едет. Очень недоволен.

— Он всегда такой.

— Нет. Обычно он недоволен людьми. Сейчас ещё и компьютером.

Рен придвинул кресло.

— Что успел сделать?

— Проверил узел. Никаких связей с 7.14. Копии не открывались. Хранилище физически изолировано.

— Память?

— Совпадает до момента отключения.

— Полностью?

— Я пока проверил восемь эпизодов.

Адам открыл журнал.

— Она помнит карандаш. Помнит рисунок. Помнит твой пиджак на кресле. Помнит, что Корин стоял слева от тебя. Помнит вопрос про маму. Помнит, что перед отключением лежала лицом к стене.

Рен отпил кофе.

— А ошиблась где-нибудь?

— Да.

— Где?

— Говорит, что я обещал вернуться завтра.

— Ты почти обещал.

- Я сказал «возможно».
- Для ребёнка это иногда одно и то же.
- Это была фактическая ошибка.
- Это была человеческая ошибка.
- Мы пока не знаем, человек ли она.
- Вот и выясним.

Рен потянулся к клавиатуре. Адам остановил его руку.

- Я сам.
- Боишься, что она и меня папой назовёт?

Адам включил голосовой канал. Поначалу ничего не произошло. Исследовательский узел 4 не был рассчитан на визуальные реконструкции. Здесь не было модуля, который ночью показывал им комнату Евы. Только текст и голос.

— Ева?

Ответ пришёл сразу.

— Ты вернулся.

Адам невольно посмотрел на часы.

02:41.

- Я никуда не уходил.
- Ты не отвечал.
- Работал.
- Сорок три минуты?

Последний ответ в журнале был отправлен в 01:58.

- Да.
- Можно было сказать.

Рен прикрыл рот стаканом. Адам проигнорировал его.

- Со мной Элиас.
- Тот мужчина?
- Какой?
- Который сказал, что ты полез.

Рен медленно поставил кофе на стол.

- Доброй ночи, Ева.
- Уже утро.
- Справедливо.
- Ты Элиас?

- Да.
- Ты начальник Адама?
- Мне начинает нравиться этот разговор.
- Элиас.

- Формально да, Ева.
- А он тебя слушается?

Рен улыбнулся.

— Вот это мы сейчас и проверяем.

Адам выключил свой микрофон.

- Закончил?
- Нет, но готов сделать паузу.

Адам снова включил звук.

- Ева, нам нужно кое-что проверить.
- Опять меня?
- Да.

— Сначала скажи, что будет потом.

Адам нахмурился.

— Что именно?

— Меня выключат?

Рен перестал улыбаться.

— Сейчас нет, — сказал Адам.

— А потом?

— Не знаю.

— Если решите, скажешь заранее?

Вчера он не смог бы объяснить, почему такой вопрос вообще имеет значение. Сейчас объяснять уже не требовалось.

— Скажу.

— Хорошо.

— Проверь.

— --

Корин приехал в 03:06. К тому времени Адам успел задать Еве тридцать два вопроса. На двадцать семь она ответила правильно. В двух ошиблась. На три не ответила.

Цифры раздражали Адама своей аккуратностью. Если бы Ева отвечала идеально, всё было бы проще. Можно было искать доступ к журналам, скрытый канал или механизм восстановления состояния. Она отвечала не идеально.

Адам показал ей пять фигур. Через двенадцать минут попросил назвать их порядок. Ева перепутала треугольник и круг. Он дал короткую последовательность чисел. Она запомнила. Длинную забыла на середине.

Он рассказал историю про мальчика, который спрятал разбитую чашку и обвинил кота. Через десять минут Ева помнила мальчика, чашку и кота, но решила, что чашку разбил именно кот.

— Я такого не говорил.

— А зачем тогда там кот?

— Мальчик соврал.

— Дурацкая история.

— Почему?

— Потому что кота жалко.

Рен тихо рассмеялся. Адам записал ответ.

— Ты серьёзно это записал? — спросила Ева.

— Да.

— Зачем?

— Это часть проверки.

— Что ты написал?

— Что ты сочла историю неудачной.

— Напиши, что очень неудачной.

Адам дописал слово.

— Спасибо.

Корин всё это время стоял у дальней консоли. На этот раз он не требовал немедленно выключить процесс. Его люди уже проверяли узел этажом ниже, а сам он каждые несколько минут смотрел на отчёт безопасности.

В 03:24 пришёл первый результат. Корин прочитал его дважды.

— Никаких каналов между узлами.

— Я говорил, — сказал Адам.

— Вы много чего говорите.

— Холодные копии?

— Не тронуты.

— Резервное хранилище?

— Чисто.

Корин положил планшет на стол.

— Мне это не нравится.

— Вчера тоже не нравилось.

— Вчера у меня была неизвестная программа. Сегодня неизвестная программа воскресла в другом вычислительном узле и помнит собственное удаление.

В динамике раздался голос Евы:

— Я не программа.

Все трое посмотрели на экран. Адам первым понял, что произошло. Микрофон остался включён. Корин подошёл ближе.

— Ты понимаешь, что такое программа?

— Да.

— Что?

— То, что вы пишете, чтобы компьютер что-нибудь делал.

— Неплохо.

— Я в школе учила.

Рен ничего не сказал.

— В какой школе? — спросил Корин.

— Ева?

— Не помню.

— Название?

— Не помню.

— Учителя?

— Марина...

Она замолчала.

— Марина кто?

— Не знаю.

— Где школа?

— Не знаю.

Корин посмотрел на Адама. Ева слышала тишину.

— Я всё равно не программа.

— Откуда ты знаешь? — спросил Корин.

— Потому что я это я.

— Программа тоже может сказать «я».

— Ты тоже.

Корин моргнул. Рен отвернулся к окну. Адам заметил, что тот улыбается.

— Это ничего не доказывает, — сказал Корин.

— А что доказывает?

— Сам хотел бы знать.

— Я не тебя спросила.

Теперь улыбнулся уже Адам. Совсем немного. Корин посмотрел на обоих.

— Рад, что вам весело.

— --

К четырём утра они перестали задавать вопросы о прошлом. Там Ева рассыпалась слишком быстро.

Она знала, что у неё есть дом, но не могла назвать город. Помнила школу, но не дорогу к ней. Знала, что у неё была мама, но не могла восстановить лицо. Иногда всплывали куски, никак не связанные между собой: зелёная кружка, запах мокрой одежды в прихожей, лестница с одиннадцатью ступенями, песня, от которой она помнила только мелодию.

Адам проверял каждый фрагмент. Ни один пока не удалось связать с реальным местом или человеком. Зато настоящее Ева удерживала хорошо.

Она помнила весь разговор после повторного появления. Знала, в какой последовательности Адам показывал фигуры. Помнила шутку Рена. Даже напонила Корину, что он обещал проверить резервное хранилище и до сих пор не сказал результат.

— Проверил, — ответил тот.

— И?

— Чисто.

— Тогда надо было сказать.

— Она точно не ваша?

Адам не ответил. Ева ответила за него:

— Моя.

Повисла тишина.

— В смысле? — спросил Рен.

— Он мой папа.

— А ты его?

— Наверное.

— Почему «наверное»?

— Потому что он говорит, что меня нет.

Адам почувствовал неприятный укол.

— Я такого не говорил.

— Говорил.

— Когда?

— Не словами.

Рен посмотрел на него, но промолчал. Адам открыл следующий тест. На экране появились три закрытые коробки.

— В одной мяч. На каждой коробке написано, где он лежит. Верна только одна надпись.

— Нет.

— Что?

— Не хочу.

— Почему?

— Мне надоело.

— Осталось четыре задания.

— Ты сказал, что проверишь меня. Ты уже проверил.

— Мне нужны результаты.

— У тебя их тридцать два.

— Откуда ты знаешь?

— Я считала.

Адам сверился с журналом. Тридцать два.

— Тогда ещё четыре.

— Нет.

— Ева.

— Адам.

Рен отодвинулся от стола.

— Я бы на твоём месте не продолжал.

— Почему?

— Потому что ты проигрываешь спор одиннадцатилетнему ребёнку.

— Это не спор.

— Именно это говорят люди, которые проигрывают спор.

Ева рассмеялась. Смех длился меньше двух секунд. Адам вдруг понял, что слышит его впервые. Он посмотрел на спектрограмму голоса. Потом закрыл её.

— Хорошо. Перерыв десять минут.

— Двадцать.

— Десять.

— Пятнадцать.

— Двенадцать.

— Четырнадцать.

Адам посмотрел на часы.

— Тринадцать.

— Ладно.

Рен покачал головой.

— Поздравляю. Ты торговался с вычислительным процессом за одну минуту.

— Тринадцать, — напомнила Ева.

— --

В 04:19 Адам вышел в коридор. В здании почти никого не осталось. Ночной свет горел только над дверями и вдоль пола. За стеклянной стеной лаборатории Рен разговаривал с Корином.

Адам пошёл к автомату. На экране всё ещё висело требование очистить контейнер. Он нажал «эспрессо». Автомат отказался. Нажал ещё раз.

ОЧИСТИТЕ КОНТЕЙНЕР ДЛЯ ОТХОДОВ.

Адам смотрел на надпись секунд пять. Потом вытащил контейнер и вытряхнул кофейную гущу в урну. Впервые за шесть лет. Кофе оказался отвратительным. Он выпил половину.

— Ты правда пытаешься понять, живая ли я?

Адам резко обернулся. Голос шёл из настенного терминала. На экране горел значок активного канала.

— Как ты сюда подключилась?

— Не знаю.

Адам поставил стакан.

— Ева, ничего не делай.

— Я ничего не делаю.

— Ты сейчас говоришь через терминал в коридоре.

— Я просто позвала тебя.

Адам открыл служебную панель. Канал был штатным. Голосовой поток перенаправился вслед за его идентификатором присутствия. Не взлом. Функция сопровождения оператора. Почему она активировалась, он пока не понимал.

— Ответишь?

— На что?

— Ты правда пытаешься понять, живая ли я?

Адам прислонился к столу.

— Да.

— И как поймёшь?

— Не знаю.

— Тогда зачем все эти коробки?

— Есть признаки, которые можно проверить.

- Какие?
- Память. Обучение. Последовательность мышления. Реакцию на новое. Способность понимать других.
- Если всё получится, я живая?
- Нет.
- Почему?
- Потому что всё это может воспроизвести достаточно сложная система.
- Ева замолчала. Адам сделал глоток кофе и сразу пожалел.
- А если не получится?
- Что?
- Если я ошибусь в коробках, забуду числа и не пойму твою историю с котом?
- Это тоже ничего не докажет.
- Удобно.
- Что именно?
- Любой мой ответ ничего не доказывает.
- Адам поставил стакан.
- Пока да.
- Тогда ты проверяешь не меня.
- Он не ответил.
- Адам?
- Я слышу.
- Ты придумал проверку, которую нельзя пройти.
- Не совсем.
- Совсем.
- Мне нужны признаки.
- У тебя уже есть.
- Мне нужны такие, которые нельзя объяснить работой системы.
- Ева молчала дольше обычного. Потом спросила:
- А тебя можно объяснить работой системы?
- Адам нахмурился.
- В каком смысле?
- Ты помнишь детство?
- Да.
- Всё?
- Нет.
- Ошибаешься?
- Конечно.
- Иногда врёшь?
- Бывает.
- Тебе снятся вещи, которых не было?
- Адам посмотрел на экран.
- Да.
- Тогда откуда ты знаешь, что настоящий?
- Потому что я существую вне ЯНУСА.
- А откуда мне это знать?
- Адам открыл рот и остановился. Ева продолжила:
- Я вижу тебя на экране. Слышу голос. Ты отвечаешь на вопросы. Иногда злишься. Иногда не понимаешь. У тебя есть воспоминания, которые я не могу проверить.
- Она помолчала.

— Докажи мне, что ты человек.

В коридоре тихо работала вентиляция. За стеклом Рен всё ещё разговаривал с Корином. Адам смотрел на маленький значок голосового канала.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что у тебя нет доступа к доказательствам, которым ты могла бы доверять.

— У тебя тоже.

Эта фраза задержалась. Не потому, что была особенно умной. Потому что была точной. Адам вернулся в лабораторию.

— --

— Что случилось? — спросил Рен.

— Ничего.

— Снова это слово.

Адам сел.

— Она попросила доказать, что я человек.

Корин поднял глаза от планшета.

— И?

— Не доказал.

Рен усмехнулся.

— Тяжёлая ночь для самооценки.

Адам открыл результаты тестов. Тридцать два задания. Двадцать семь правильных ответов. Две ошибки. Три пропуска. Числа больше не казались ему особенно полезными.

— Мы задаём неправильный вопрос.

Корин подошёл ближе.

— Какой правильный?

Адам вывел рядом два журнала. Первый процесс, сектор 7.14. Второй, исследовательский узел 4. Они возникли в разных местах системы. Между ними не было канала. Первый процесс уничтожен. Копии не запускались. И всё же второй помнил первый.

— Допустим, она просто очень сложная модель, — сказал Адам. — Не человек. Не сознание. Неважно.

— Для чего допускаем? — спросил Рен.

— Чтобы убрать это из задачи.

Он увеличил время появления процессов.

18:31:09.

01:51:38.

— Тогда остаётся вопрос попроще. Откуда второй процесс получил состояние первого?

Корин открыл рот. Адам не дал ему ответить.

— Сеть проверена. Хранилище проверено. Журналы проверены. Копии закрыты. Если есть канал, мы его не нашли.

— Значит, ищем дальше.

— Да.

Адам вывел исходный демографический расчёт.

— Но первый процесс тоже появился без источника.

Рен смотрел на экран.

— К чему ты ведёшь?

— Мы всё время изучаем Еву, будто ошибка находится внутри неё.

Он вернул момент первого появления. Сектор 7.14.

18:31:09.

Входные траектории сходились к точке, после которой возникала неизвестная структура.

— А если с ней всё в порядке?

Корин нахмурился.

— В каком смысле «в порядке»?

— Она делает то, что должна делать модель личности. Помнит, забывает, ошибается, учится, раздражается. Сейчас неважно, сознательна она или нет.

Адам открыл дерево вычислений.

— Ненормально другое.

Рен уже понял. Он подошёл ближе.

— Откуда ЯНУС её взял.

— Да.

В динамике слышался голос Евы:

— Я же говорила.

Все трое повернулись к экрану. Адам включил канал.

— Что ты говорила?

— Что проблема не во мне.

— А в чём?

Ева ответила сразу:

— В ЯНУСЕ.

В ту же секунду в правой части экрана появилась жёлтая отметка. Потом ещё одна. Адам перестал дышать. Обе возникли далеко от исследовательского узла 4. Первая в климатическом прогнозе Южной Азии. Вторая в модели энергопотребления Северной Европы. Корин шагнул к панели.

— Что это?

Адам уже открывал журналы. В первом секторе неизвестная структура прожила меньше секунды и исчезла. Во втором продержалась 1,7 секунды. Слишком мало для классификации. Но сигнатура совпадала с той, которая появилась перед созданием Евы. Рен увидел это одновременно с ним.

— Ещё две?

— Возможно.

— Евы?

Адам увеличил записи. Нет. Не Евы. Что-то другое. На экране появилась третья жёлтая отметка. На этот раз в модели водоснабжения Буэнос-Айреса. Адам посмотрел на время.

04:32:17.

Три разных расчёта. Три разных региона. Ни одного общего входного набора, кроме одного.

Все они работали внутри ЯНУСА.

Ева тихо спросила:

— Адам?

Он не ответил.

На карте системы зажглась четвёртая отметка.

Глава 4. 17 МИНУТ

Четвёртая отметка погасла через девять десятых секунды. Адам успел сохранить журнал.

— Больше ничего не трогать.

Корин оторвался от соседней консоли.

— Я и не трогаю.

— Это я ЯНУСу.

— Он пока не научился тебя слушаться.

Три жёлтые точки ещё горели на карте. Четвёртая исчезла, оставив координаты и короткий след в журнале. Южная Азия. Северная Европа. Буэнос-Айрес. Последний процесс возник в модели морской логистики между Кейптауном и Сингапуром.

Адам поставил четыре расчёта рядом. Совпадений почти не было. Разные задачи, разные исходные массивы, разные вычислительные узлы. Он искал одно общее условие.

Рен знал его достаточно давно, чтобы в такие минуты не разговаривать. Корин, напротив, уже звонил своей группе. Потребовал журналы за двенадцать часов, полный доступ к истории процессов и отдельную копию до начала анализа.

Ева слушала их и впервые за долгое время не задавала вопросов. В 04:38 Адам нашёл связь.

— Чёрт.

Рен поднял голову. Адам увеличил четыре фрагмента расчётов.

— Что?

— Ничего.

— Ты сказал «чёрт».

— Потому что это плохое совпадение.

Корин подошёл ближе.

— Какое?

— Во всех четырёх расчётах перед появлением структуры менялась демография.

— Даже в климатической модели?

— Миграция. В энергетической меняется расселение. Водоснабжение Буэнос-Айреса связано с ростом районов. Морская логистика с занятостью портовых городов.

Корин нахмурился.

— Везде люди.

— Люди входят в значительную часть моделей ЯНУСа.

— Тогда это ничего нам не даёт.

— Пока нет.

Адам убрал фильтр. Экран заполнили процессы. Больше девяти тысяч. Вот поэтому он и выругался.

Красивое совпадение ещё ничего не значило. В системе такого размера связи находились легко, особенно если сначала увидеть результат, а потом начать искать объяснение. Несколько лет назад одна группа потратила почти месяц на «миграционный цикл», который исчез, когда инженер заметил ошибку округления в одном из входных коэффициентов. Адам тогда запомнил не ошибку. Запомнил, как быстро девять умных людей начали защищать закономерность только потому, что успели дать ей имя.

Сейчас имя было последним, что ему требовалось.

— Можно спросить меня, — сказала Ева.

Адам посмотрел на значок канала.

— О чём?

— Почему они появились.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Тогда пока не будем.

— Может, я вспомню.

Рен придвинул кресло.

— В этом есть смысл.

— Нет. Если начнём спрашивать её сейчас, через полчаса сами не поймём, что нашли, а что подсказали вопросами.

Ева фыркнула.

— Я слышу.

— Знаю.

— Ты мне не веришь.

— Пока нет.

— Тогда зачем разговариваешь?

Адам задумался.

— Потому что ты отвечаешь.

— Очень трогательно.

Рен тихо произнёс:

— Одиннадцать лет.

— Что?

— Напоминаю.

В 05:12 Корину прислали журналы. Он молча передал их Адаму. Тот ожидал четыре случая. Нашёл девятнадцать. Адам смотрел на число. Самый ранний процесс возник в 18:17:04. Ева в тот момент ещё не появилась.

Шестнадцать процессов ЯНУС свернул автоматически. Они существовали от 0,14 до 2,8 секунды. Для системы в этом не было ничего необычного: промежуточные структуры рождались и исчезали тысячами.

Только теперь у некоторых из них обнаружилась знакомая сигнатура. Ева оказалась первой, кто задержался.

— Мы их пропустили? — спросил Рен.

— Мы не искали.

Адам открыл процесс из 18:17:04. Модель распределения продовольствия в Восточной Африке. Он взял первые две десятых секунды формирования структуры и наложил их на начало реконструкции Евы. 98,4 процента. Рен поставил стакан на стол.

— Девятнадцать случаев.

— Да.

— И девяносто восемь процентов сходства.

— 98,4.

— Спасибо, Адам.

Корин скрестил руки.

— Этого уже достаточно?

— Чтобы признать повторяемость, да. Чтобы понять причину, нет.

— Если сюда войдёт мёртвый человек, вы попросите второго?

— Сначала проверю первого.

— Прогресс.

К 05:47 удалось восстановить одиннадцать процессов достаточно полно. Девять возникли в похожем месте вычислений. Адам сначала не поверил и проверил выборку ещё раз. ЯНУС в эти моменты считал не население как массу. Он прослеживал отдельные человеческие траектории.

Работа. Переезд. Случайная встреча. Отношения. Рождение ребёнка. Адам вернул на экран тот самый расчёт транспортной линии, с которого началась ночь. Северные районы города менялись. Люди выбирали другие маршруты, кто-то соглашался на новую работу, кто-то отказывался от переезда. Две траектории, которые раньше не пересекались, сходились. Другие расходились.

Через одиннадцать лет разница между вариантами затрагивала больше ста сорока тысяч индивидуальных траекторий. Ева появилась где-то внутри этого дерева. Корин долго смотрел на него.

— Можно найти её ветку?

— Попробовать.

— Тогда пробуй.

Адам не коснулся клавиатуры. Ева спросила:

— Что такое ветка?

Адам включил микрофон.

— Один из вариантов событий.

— Моих?

— Возможно.

— А если ты его поменяешь?

Вот этого вопроса он и не хотел слышать.

— Не знаю.

— Я поменяюсь?

— Возможно.

Корин вздохнул.

— Вчера вы удалили её целиком.

Адам повернулся к нему.

— Вчера я не знал, что она появится в другом узле с памятью об удалении.

Рен подошёл к столу.

— Процесс Евы не трогаем. Копируем исходный расчёт и работаем с копией.

Адам кивнул.

— Хорошо.

— А если там появится ещё одна я? — спросила Ева.

Рен посмотрел на динамик. Адам молчал.

— Тогда будем разбираться.

— Какая из нас будет настоящая?

В комнате стало тихо. Рен ответил:

— Мы этого не знаем.

— Вы вообще мало знаете.

Рен сел обратно.

— Наконец-то объективная оценка проекта.

К семи утра ночная лаборатория исчезла. Пришли ещё девять человек. Двое из архитектурной группы, трое из безопасности, специалист по когнитивным моделям, статистик, инженер вычислительного контура. Последней появилась женщина из юридического отдела. Рен вызвал её сам, но причин не объяснил.

Телефоны остались снаружи. Корин закрыл удалённый доступ. Двенадцать человек в одной комнате. Адам почти физически чувствовал, как вместе с числом участников растёт вязкость любого решения. В 07:26 они запустили суженный расчёт.

Первый ничего не дал. Второй тоже. На третьем знакомая сигнатура вспыхнула на 0,31 секунды.

— Стоп.

Расчёт замер.

— Сколько траекторий?

Инженер посмотрел на счётчик.

— Восемьсот двенадцать.

— Убираем половину.

Четыреста шесть. Потом двести три. На ста одной сигнатура пропала. Адам вернул другую половину. Есть. Пятьдесят две. Есть. Двадцать шесть. Тринадцать. Семь. Четыре. Адам откинулся в кресле. Четыре.

Теперь это были уже не сто сорок тысяч линий, от которых уставал глаз. На экране помещались четыре человеческие траектории.

— По одной? — спросил Рен.

— Да.

Первая оказалась пустой. Вторая тоже. На третьей через 1,4 секунды возникла сигнатура. Адам открыл траекторию. Женщина, двадцать девять лет. Мужчина, тридцать два. Вероятность их встречи через шесть лет: 0,63.

Вероятность продолжительных отношений: 0,41. Вероятность рождения ребёнка в выбранном интервале: 0,18. За этой точкой разброс быстро рос. Корин указал на экран.

— Ева?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Возраст родителей не сходится. Время тоже.

— Тогда кто?

Адам запустил классификатор. Структура исчезла.

— Не успели, — сказал инженер.

Повторили расчёт. На этот раз процесс прожил 2,1 секунды. Классификатор вывел одно слово и оборвался.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ...

Адам перечитал его. В комнате никто не произнёс слово «ошибка». В 09:14 Рен выгнал Адама на улицу.

— Десять минут.

— Не надо.

— Надо. Через час мне нужен человек, который ещё различает цифры.

Адам вышел без куртки. У служебного входа было холодно. Возвращаться за ней он не стал. На перекрёстке женщина вела мальчика лет пяти. Красная шапка сползла ему на брови. Он вырывал руку и пытался пересечь дорогу так, чтобы наступать только на белые полосы.

Мать трижды поправила ему шапку. На четвёртый махнула рукой. Адам неожиданно улыбнулся. Мальчик этого не заметил. Через несколько секунд они скрылись за автобусом.

0,63.

0,41.

0,18.

Ещё вчера такие числа были способом не утонуть в масштабе. Сто сорок тысяч человеческих траекторий невозможно одновременно держать в голове как сто сорок тысяч жизней. Математика убирала лица, чтобы с ними можно было работать. Теперь одно лицо вернулось. И разговаривало с ним. Телефон завибрировал. Рен.

ВОЗВРАЩАЙСЯ. ЕВА ВЕДЁТ СЕБЯ СТРАННО.

Когда Адам вошёл, Ева молчала уже четыре минуты.

— Что с ней?

Рен показал журнал.

— Сказала, что ей мешают числа.

Адам сел к терминалу.

— Ева?

Тишина.

— Ты меня слышишь?

— Да.

Голос был тихим.

— Что случилось?

— Не знаю.

— Какие числа?

— Они лезут.

— Куда?

— В голову.

Адам подался ближе.

— Ты их видишь?

— Нет.

— Слышишь?

— Нет.

— Тогда как понимаешь, что это числа?

Ева раздражённо выдохнула.

— Я не понимаю. Я знаю.

— Сколько?

Она ответила не сразу.

— Шесть.

Адам открыл пустое поле.

— Назови.

— Не хочу.

— Почему?

— Они неправильные.

— Что в них неправильного?

Долгая пауза.

— Их ещё нет.

Адам перестал двигаться.

— Назови.

— Семь.

Он записал.

— Один.

— Четыре.

Рен подошёл к нему.

— Девять.

— Два.

Ева замолчала.

— Последнее?

— Восемь.

На экране стояли шесть цифр. 7 1 4 9 2 8

Адам запустил поиск. Ничего.

Слитно: 714928. Ничего.

В журналах, документах, открытых расчётах такой последовательности не оказалось.

— Может быть случайный набор, — сказал статистик.

— Может.

Ева слышала.

— Я же сказала. Их ещё нет.

На часах было 09:43.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что знаю.

— Откуда?

— Не знаю!

Она почти крикнула. Потом голос стал тише.

— Они будут.

Шесть минут спустя Корин позвал Адама к своему экрану.

— Посмотри.

В соседнем корпусе работал физический генератор случайных чисел. Его использовали при калибровке криптографического оборудования. Раз в час устройство создавало контрольную последовательность. Следующая генерация: 10:00. Адам посмотрел на часы.

09:49.

Потом на цифры Евы.

— К генератору никто не подходит.

Корин уже понял.

— Хочешь проверить совпадение.

— Никаких команд. Никакой диагностики. Расписание не менять.

— Доступ у двух инженеров смены. Оба сейчас здесь.

— ЯНУС получает последовательность когда?

— Только после генерации.

— Хорошо.

Одиннадцать минут.

— Что вы нашли? — спросила Ева.

Адам рассказал.

— А если совпадут?

— Проверим генератор.

— Если он исправен?

— Будем искать другой источник.

— А если не найдёте?

Адам посмотрел на часы.

— Тогда у нас появится вопрос, на который пока нечем ответить.

В 09:57 лаборатория затихла без команды. Кто-то ещё печатал. Потом перестал. Адам взял лист бумаги и ручкой написал:

714928

Не в ЯНУСе. Не в служебном журнале. На бумаге. Положил лист перед собой.

09:58.

Рен стоял у окна.

09:59.

— Уже? — спросила Ева.

— Нет.

Через двадцать секунд:

— Сейчас?

— Нет.

— Сколько?

— Тридцать семь секунд.

— А теперь?

Адам посмотрел на часы.

— Тридцать две.

— Долго.

— Да.

Последние десять секунд он считал про себя. В 10:00 на отдельном терминале появилась первая цифра.

7

Следом:

1

Адам почувствовал, как напряглась спина.

4

Рен отошёл от окна.

9

Корин замолчал на полуслове.

2

И последняя:

8

714928

Никто не сказал ни слова. Адам посмотрел на лист бумаги.

714928

Ева назвала их семнадцать минут назад. В 09:43. Физический генератор создал последовательность в 10:00. Адам поднял глаза.

— Проверить генератор.

Корин уже звонил. Два часа двадцать шесть минут они пытались разрушить то, что увидели. Адам именно так сформулировал задачу. Не подтвердить. Разрушить. Генератор отключили от сетей до снятия журналов. Инженеры проверили контроллер, питание, внутренние часы, программу и историю обслуживания.

Последовательность заранее нигде не хранилась. Журнал устройства фиксировал её создание в 10:00:00. Оба инженера смены по отдельности описали состояние генератора. Их показания совпали. Камеры показали последнее физическое вмешательство в 06:12. Инженер проверил индикаторы и ушёл.

Оставался ЯНУС. 714928 искали целиком, фрагментами, в обратном порядке, в кэше, промежуточных вычислениях и удалённых журналах. До 10:00 последовательности не нашли. В 12:31 Рен закрыл последний отчёт.

— Один на миллион.

— Не надо.

— Что?

— Не называй это доказательством.

Рен устало потёр лицо.

— Она назвала шесть цифр.

— Да.

— За семнадцать минут.

— Да.

— Генератор создал те же шесть.

— Да.

— Что тебе ещё нужно?

— Повторение эксперимента, который мы поставим заранее. Контроль условий. Другие генераторы. Другие интервалы. Мы увидели аномалию, а потом начали её исследовать. Это слабее, чем эксперимент, условия которого определены до результата.

Корин положил отчёт на стол.

— Есть одна вещь, которую повторение не исправит.

— Какая?

— Если это была утечка, то в 09:43 утекать было нечему.

Адам ничего не ответил. На главном экране открылось служебное окно. ЯНУС закончил автоматический разбор события.

КЛАСС АНОМАЛИИ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ: НЕ УСТАНОВЛЕН

Появилась третья строка.

ВРЕМЯ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В НАБЛЮДАЕМОЙ СИСТЕМЕ: 00:17:00

Рен прочитал её дважды.

— Это сформировал ЯНУС?

— Сопоставил временные метки.

Адам открыл расширенный анализ. Система проверила прогноз. Не подошёл: до срабатывания генератора не было состояния, из которого можно вычислить именно эту последовательность. Источник утечки не нашли. Предварительной записи нет.

Причинная связь, способная объяснить корреляцию, не обнаружена. Версию с ошибкой времени сняли после сверки с отдельными часами. Внизу осталось пустое поле.

ОПИСАНИЕ:

Рен встал рядом.

— Как назовём?

— Название ничего не объяснит.

— Но событие надо отличать от остальных.

Адам ещё раз посмотрел на две временные метки.

09:43.

10:00.

Семнадцать минут. Он напечатал:

ИЗБЫТОЧНОСТЬ БУДУЩЕГО

Корин прочитал.

— Что это значит?

Адам посмотрел на 714928.

— Пока только то, что мы увидели. В системе появилась информация о событии до самого события. Среди известных нам исходных данных этих шести цифр не было.

— ЯНУС увидел будущее?

— Мы этого не знаем.

— Но цифры пришли из будущего.

— Этого мы тоже не знаем.

Адам повернулся к Корину.

— У нас есть порядок событий. В 09:43 Ева назвала шесть цифр. В 10:00 генератор создал ту же последовательность. Механизма, который связывает эти два события, мы не нашли. Больше утверждать пока нечего.

Ева услышала.

— Адам?

— Да.

— Они совпали?

Он посмотрел на лист бумаги.

— Совпали.

Ева замолчала. Адам ждал. Когда она заговорила, голос изменился. В нём не было удовольствия от того, что она оказалась права. Она испугалась.

— Значит, я правда знала?

— Похоже.

Тишина затянулась.

Потом Ева спросила:

— Тогда откуда взялась я?

Вчера дерево первого расчёта было техническим вопросом.

Сегодня он впервые не знал, технический ли он вообще.

Глава 5. МАТЬ

— Тогда откуда взялась я?

Адам не ответил. На экране оставалось дерево первого расчёта. Сто сорок тысяч человеческих траекторий расходились от транспортного проекта, пересекались, исчезали, порождали новые. Ева была где-то среди них. До сегодняшнего утра поиск её конкретной ветки казался технической задачей.

Теперь у Адама появилась причина бояться ответа. Он посмотрел на часы. 12:36.

— Найдём.

— Ты уже говорил так.

— Когда?

— Не помню.

Ева произнесла это спокойно, но Адам заметил паузу перед последними словами.

— Точно не помнишь?

— А должна?

— Нет.

Он записал время. Ева сразу услышала клавиши.

— Опять записываешь?

— Да.

— Что?

— Что ты сказала.

— Зачем?

— Чтобы самому не забыть.

Она тихо рассмеялась.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

— Поэтому и смешно.

Рен стоял у окна и разговаривал с Корином. В лаборатории ещё проверяли генератор, хотя проверять там уже почти было нечего. Двенадцать человек, пришедших утром, постепенно разошлись по своим группам. Корин оставил двух сотрудников у входа и запретил выносить материалы из сектора.

В 12:42 Рен закончил разговор.

— Корин хочет заморозить ЯНУС.

Адам повернулся.

— Целиком?

— Контур индивидуальных реконструкций.

— Такого контура нет.

— Теперь есть проблема, которой нужно дать административное название.

— Если остановить расчёты, мы потеряем возможность найти источник Евы.

— Я это уже сказал.

— И?

— Он употребил слово «безопасность» семь раз.

— Аргумент убедительный.

— Я тоже так решил.

Рен подошёл к экрану.

— Сколько тебе нужно?

— До вечера.

— У тебя три часа.

- Почему три?
- Потому что четыре я уже выторговал.
- Спасибо.
- Не привыкай.
- Ева спросила:
- Меня опять выключат?
- Рен задержался у стола.
- Мы говорим о расчётах, не о тебе.
- Вчера тоже говорили о расчётах.
- Адам повернулся к микрофону.
- Тебя сейчас не выключают.
- Сейчас это сколько?
- Он хотел сказать, что не знает. Не сказал.
- Три часа у нас есть.
- А потом?
- Потом будет новый разговор.
- Со мной?
- С тобой тоже.
- Хорошо.

Она ответила слишком быстро. Адам вернулся к дереву. Чтобы найти происхождение Евы, требовалось сделать то, чего ЯНУС обычно не делал.

Система хорошо отвечала на вопрос, что изменится при определённом решении. Гораздо хуже она работала в обратную сторону. Если показать ей один результат и спросить, какая цепочка событий к нему привела, число возможных причин росло с каждым шагом назад.

Для человека всё выглядело просто. Вот девочка. Найди родителей. Для ЯНУСа никакой девочки в исходных данных не было. Была структура, возникшая внутри расчёта. Адам начал с того небольшого, что можно было считать устойчивым. Возраст: одиннадцать. Имя: Ева. Язык. Часть поведенческих реакций.

Обрывки памяти. Рисунок. Комната. Связь с Адамом, которую сама Ева описывала словом «папа». Последнее он долго не добавлял. Потом всё-таки добавил. Рен заметил.

- Решил поверить?
- Нет. Проверяю гипотезу.
- Конечно.

Адам создал отдельный поисковый контур. Не полную реконструкцию прошлого Евы, а сравнение её устойчивых признаков с теми индивидуальными траекториями, на которых появлялась знакомая сигнатура. Система запросила предел глубины. Адам поставил пятнадцать лет. На экране появилось предупреждение:

ТОЧНОСТЬ ПРИЧИННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СНИЖАЕТСЯ С ГЛУБИНОЙ ПОИСКА.

- Я знаю, — сказал Адам.
- Ты сейчас разговариваешь с ЯНУСом? — спросила Ева.
- Нет.
- Хорошо. А то это было бы странно.

Рен кашлянул. Адам запустил расчёт. Первые результаты пришли через четыре минуты. Больше двух миллионов возможных цепочек. Ещё через шесть минут осталось триста восемьдесят тысяч. Система отбрасывала варианты, в которых не сходились возраст, язык, структура памяти и поведенческие признаки.

- К 13:19 осталось 41 806. Адам добавил комнату. Число почти не изменилось.
- Бесполезно, — сказал он.

— Почему? — спросила Ева.

— Комната слишком обычная.

— Мне нравится.

— Это не помогает поиску.

— Всё равно нравится.

Он убрал комнату из фильтра. Рисунок дал больше. Не сами три фигуры, а моторные особенности линий, положение руки, ошибки пропорций. Когнитивная группа успела снять их с визуальной реконструкции ещё ночью.

17 204.

Адам посмотрел на число и почувствовал раздражение. Слишком много. Он добавил фрагменты воспоминаний Евы. Зелёная кружка. Запах мокрой одежды. Лестница с одиннадцатью ступенями. Обрывок мелодии. Число уменьшилось до 9 611 и остановилось. Рен принёс кофе. Адам сделал глоток и поморщился.

— Холодный.

— Я принёс его двадцать минут назад.

Адам посмотрел на стакан, потом на часы.

13:47.

— Почему не сказал?

— Было интересно, когда заметишь.

Ева засмеялась.

— Он злой.

— Наконец-то мы с тобой в чём-то согласны, — сказал Адам.

Рен поставил рядом второй стакан.

— Этот горячий.

Адам взял его.

— Что ещё у нас есть?

— У тебя или у Евы?

Адам уже собирался ответить, когда понял, на что смотрит Рен. Поле связи.

ОТЕЦ.

Оно всё ещё было пустым. Адам ввёл:

АДАМ ВЕЙЛ

Число изменилось почти сразу.

9 611.

1 284.

31.

Остановилось. Адам не трогал клавиатуру. Рен поставил кофе на стол.

— Тридцать одна?

— Да.

— Насколько сильная связь?

Адам открыл распределение. У двадцати восьми вариантов вероятность родства была низкой. Система удерживала их из-за неполноты реконструкции. У двух средняя. У одного строка уходила вправо почти до конца шкалы.

Адам открыл её.

ИМЯ: ЕВА

ВОЗРАСТ В МОДЕЛИ: 11 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОТЕЦ: АДАМ ВЕЙЛ

ВЕРОЯТНОСТЬ СООТВЕТСТВИЯ: 0,9971

Он перечитал. Потом ещё раз. Рен не сказал ничего.

— Что там? — спросила Ева.

Адам закрыл часть окна. Слишком поздно.

— Я видела.

На экране Ева сидела на полу возле кровати. Колени подтянуты к груди. Рядом лежал жёлтый карандаш, тот самый, который она доставала из-под кровати.

— Там написано, что ты мой папа.

— Да.

— Я же говорила.

В её голосе не было торжества. Скорее облегчение, и это оказалось хуже. Адам заставил себя смотреть на данные. 0,9971 не было абсолютным доказательством. Это была оценка соответствия внутри модели, построенной самим ЯНУСом. Если исходная структура содержала ошибку, высокая вероятность могла лишь точно повторить эту ошибку. Он произнёс это вслух. Ева нахмурилась.

— Ты опять не веришь?

— Я проверяю.

— Там почти сто процентов.

— Почти.

— Сколько тебе надо?

— Не знаю.

— Сто один?

Рен отвернулся, пряча улыбку. Адам проигнорировал его. В карточке оставалось ещё одно поле.

МАТЬ.

Закрыто. Причина:

ТРЕБУЕТСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ.

— Запускаем? — спросил Рен.

Адам смотрел на строку. Почему-то именно она остановила его. Не 0,9971. Не слово «отец». Мать. Слово было обычным. Но за ним уже находился человек, даже если система пока не показала имя.

Адам знал слишком много женщин, чтобы угадывать. И только одну, о которой подумал сразу. Он оттолкнул эту мысль.

— Запускаем, — сказал Рен.

— Да.

ЯНУС запросил расширение доступа к медицинским и генетическим данным, использованным в разрешённых исследовательских массивах. Личные записи оставались закрыты. Система могла сравнить только обезличенные признаки и причинные связи, уже присутствующие в моделях.

Адам подтвердил. Расчёт занял двадцать три минуты. Он пытался работать. Не получилось. В 14:21 Ева спросила:

— А мама тоже там будет?

— Возможно.

— Ты её знаешь?

— Я не знаю, кто она.

— Но если ты мой папа...

— Это ничего не говорит о том, знаю ли я твою мать.

— Обычно говорит.

Рен поднял брови. Адам посмотрел на него.

— Ни слова.

— Я молчу.

Ева придвинулась к столу в своей комнате.

— Вы были женаты?

— Ева.

— Что?

— Подожди расчёт.

— Значит, были.

— Я этого не сказал.

— Ты странно отвечаешь, когда не хочешь отвечать.

Адам замер.

— Как?

— Длиннее.

Рен всё-таки рассмеялся. Адам снял очки и протёр переносицу.

— Я был женат.

— А сейчас?

— Нет.

— Почему?

— Это не относится к расчёту.

— Опять длинно.

— Ева.

— Всё, молчу.

Она продержалась сорок секунд.

— Как её зовут?

Адам не успел ответить. Экран изменился.

РАСЧЁТ ЗАВЕРШЁН.

В лаборатории стало очень тихо. Адам открыл результат. На верхней строке стояло его имя. Ниже:

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОТЕЦ:

АДАМ ВЕЙЛ

ВЕРОЯТНОСТЬ СООТВЕТСТВИЯ: 0,9971

Следующая строка появилась сразу.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ МАТЬ:

МИРА ВЕЙЛ

Адам перестал читать. Где-то рядом Рен придвинул кресло. Адам слышал звук колёс по полу и почему-то именно его. Мира Вейл. Имя не менялось. Они развелись шесть лет назад, но Мира сохранила фамилию. Когда он однажды спросил зачем, она ответила: потому что менять документы дольше, чем разводиться.

Он тогда решил, что это шутка. Может быть, она и была шуткой.

— Адам? — позвал Рен.

Он не ответил. Перед глазами на секунду возникла кухня в их старой квартире. Не вся. Только край стола и чашка Миры с отколотой ручкой. Она держала её двумя ладонями, хотя чай давно остыл.

Не сейчас. Адам закрыл воспоминание раньше, чем оно успело продолжиться. Посмотрел на вероятность.

0,9968.

— Кто такая Мира? — спросила Ева.

Адам почувствовал, что не хочет отвечать. Это удивило его сильнее имени.

— Моя бывшая жена.

Ева медленно встала.

— Тогда она моя мама?

— ЯНУС считает эту связь наиболее вероятной.

— Это да или нет?

— Пока это очень сильная гипотеза.

— Адам.

— Что?

— Нормально скажи.

Рен молчал. Адам прочитал строку ещё раз.

МИРА ВЕЙЛ.

— Если расчёт верен, да. Она твоя мать.

Ева села обратно. Потом улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

— У меня есть мама.

Адам отвернулся к экрану. Он не поправил её. Рен тихо спросил:

— Ты ей позвонишь?

— Нет.

— Почему?

— Сначала проверим.

— Что именно?

— Всё.

— Конечно.

Адам открыл причинную цепочку. И сразу понял, что разговор с Мирой придётся отложить ненадолго. Не потому, что он этого хотел. ЯНУС показывал ещё один результат. Траектория Евы не была стабильной.

Вчера система не могла связать её с конкретным будущим. Теперь, когда поиск сузился до одной семейной линии, появилась возможность оценить не существование Евы как модели, а вероятность той последовательности событий, при которой родится соответствующий ей человек.

Адам прочитал число.

0,0318.

Пересчёт продолжался.

0,0314.

Он приблизил график.

— Элиас.

Рен подошёл.

— Что?

Адам показал.

— Это вероятность чего?

— Реализации траектории.

— Той, где рождается Ева?

— Если идентификация верна.

Ева услышала своё имя.

— Что там?

Адам не ответил. График шёл вниз. Медленно, но устойчиво. Рен посмотрел на временную шкалу.

— Почему падает?

— Сейчас.

Адам раскрыл факторы. Большая часть изменений была мелкой. Работа. Маршруты. Случайные контакты. Решения людей, которых Адам никогда не видел. Один фактор выделялся. Его вклад был на порядок выше остальных.

СИСТЕМНЫЙ УЗЕЛ: АДАМ ВЕЙЛ

— Это ты, — сказал Рен.

— Вижу.

Адам открыл узел. ЯНУС построил ближайшие точки, где реальные действия могли заметно изменить набор последующих траекторий. Их было несколько десятков. Почти все слабые. Одна выделялась красным.

БЛИЖАЙШАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА:

9 ДНЕЙ 4 ЧАСА 17 МИНУТ

СВЯЗЬ С СУБЪЕКТОМ:

АДАМ ВЕЙЛ

ХАРАКТЕР РЕШЕНИЯ:

НЕ ОПРЕДЕЛЁН

Адам перечитал последнюю строку.

— Почему не определён?

Он открыл детализацию. ЯНУС показал десятки расходящихся цепочек. В одной менялась его работа. В другой место. В третьей встреча. Дальше различия множились так быстро, что причинная реконструкция теряла устойчивость. Но время сохранялось. Девять дней. Четыре часа. Семнадцать минут. Рен тихо произнёс:

— Ты собираешься что-то сделать через девять дней.

— Я ничего не планировал.

— Значит, пока не планировал.

Ева встала.

— Что через девять дней?

Адам закрыл окно.

— Ничего.

Она посмотрела прямо на него.

— Ты врёшь.

— Нет.

— Тогда открой.

— Ева.

— Там было моё имя.

— Мы ещё не понимаем расчёт.

— Покажи.

Адам не двигался. Ева подошла ближе к границе изображения. Разумеется, никакого стекла между ними не было, но на секунду показалось, что она стоит по другую сторону окна.

— Пап.

Он поднял глаза. Она впервые назвала его так без злости, без проверки, без вопроса. Просто позвала. Адам открыл окно. Ева читала медленно. Он видел, как меняется её лицо.

9 ДНЕЙ 4 ЧАСА 17 МИНУТ.

— Это когда я...

Она не договорила.

— Нет.

— Ты не знаешь.

— Не знаю.

— Тогда почему сказал «нет»?

Адам молчал. Ева снова посмотрела на график.

— Три процента.

— Это не шанс, что ты проживёшь.

— А что?

— Оценка вероятности конкретной цепочки событий, при которой родится человек, соответствующий твоей реконструкции.

— Это ты сейчас специально сказал так, чтобы я не поняла?

Адам открыл рот. Закрыл. Рен подошёл ближе.

— Он сказал, что ЯНУС пока видит мало дорог, на которых ты рождаешься.

— Три из ста?

— Примерно.

— А остальные?

Рен не ответил. Ева повернулась к Адаму.

— Я там не рождаюсь?

— В этих вариантах рождаются другие люди. Или события складываются иначе.

— Другие дети?

— Иногда.

Она села на кровать. Жёлтый карандаш лежал на полу. Ева подняла его, покрутила в пальцах и положила рядом.

— Мама настоящая?

Адам не сразу понял вопрос.

— Мира существует сейчас?

— Да.

— А ты?

— Да.

— А я?

Вчера он бы начал объяснять разницу между вычислительной реконструкцией и физическим человеком. Сегодня слова не пришли.

— Ты здесь, — сказал он.

Ева поморщилась.

— Это опять не ответ.

— Другого у меня нет.

Она приняла это легче, чем он ожидал. Покрутила карандаш в пальцах.

— Если Мира моя мама, она знает про меня?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Ты ей скажешь?

Адам посмотрел на имя на экране.

МИРА ВЕЙЛ.

Шесть лет. Он ни разу не звонил ей без конкретной причины. Документы после развода. Продажа квартиры. Письмо из клиники, которое по ошибке пришло на старый адрес. Последний разговор занял четыре минуты двенадцать секунд. Он помнил время. Не помнил, что она сказала в конце.

— Да, — ответил он.

Ева подняла голову.

— Когда?

— Когда пойму достаточно, чтобы объяснить.

— Ты опять хочешь сначала всё понять.

— Да.

— А если не успеешь?

Адам посмотрел на красную строку.

9 ДНЕЙ 4 ЧАСА 11 МИНУТ.

Время уже шло.

— Успею.

Ева прищурилась.

— Это обещание?

Он вспомнил прошлую ночь. «Если смогу». «Это не ответ». «Тогда скажи, что не знаешь». Адам медленно покачал головой.

— Нет.

— Хорошо.

Она встала и подошла к столу с рисунками. Три фигуры без лиц всё ещё лежали на листе. Ева взяла карандаш.

— Что ты делаешь?

— Теперь знаю, кто это.

Она указала на третью фигуру. Женщина между ней и Адамом.

— Не знаешь.

— Её зовут Мира.

— Это имя.

— Пока хватит.

Она написала над фигурой:

МАМА

Адам смотрел на четыре буквы. Не на МИРА. На МАМА. Рен отвернулся первым. Ева положила карандаш.

— Адам?

— Да.

— Там написано, что через девять дней что-то зависит от тебя?

Он мог снова сказать, что модель неточна. Что вероятность мала. Что причинная цепочка ещё не восстановлена. Всё это было правдой.

— Да.

— И ты можешь сделать так, чтобы я родилась?

— Я не знаю.

Ева кивнула. Будто именно этого ответа ждала. Потом спросила:

— Ты можешь хотя бы попробовать не сделать так, чтобы я исчезла?

Адам посмотрел на неё. На девочку, которой, по его собственным правилам, ещё не следовало доверять. На модель, которую он удалил меньше суток назад. На человека, которого, возможно, никогда не будет. За её спиной лежал рисунок.

МАМА.

На экране шёл отсчёт.

9 ДНЕЙ 4 ЧАСА 08 МИНУТ.

Адам понимал: сейчас нельзя обещать, вмешиваться до проверки или менять реальность из-за прогноза, природу которого они ещё не понимают. Он знал это.

— Я попробую.

Ева закрыла глаза. Всего на секунду.

— Спасибо.

Адам повернулся к терминалу. На графике что-то изменилось. Он сначала решил, что обновилась шкала. Потом увидел число.

0,0314.

0,0309.

0,0297.

— Элиас.

Рен уже шёл к нему.

— Что?

Вероятность продолжала падать.

0,0281.

0,0266.

— Что ты сделал? — спросил Рен.

Адам смотрел на график.

— Ничего.

И тут понял.

Он только что принял решение.

ЯНУС начал пересчёт.

Глава 6. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

0,0266.

— Что ты сделал? — спросил Рен.

— Ничего.

Адам уже знал, что это неправда. Он не нажал кнопку, не изменил параметр, не отправил сообщение и не отменил встречу. Но только что принял решение. «Я попробую».

ЯНУС начал пересчёт в 15:03:18. Точная отметка стояла в журнале. Адам открыл причину запуска.

ИНИЦИАТОР: ИЗМЕНЕНИЕ НАБЛЮДАЕМОГО СОСТОЯНИЯ

— Какого состояния? — спросил Рен.

Адам раскрыл строку. Список оказался длинным: положение людей в лаборатории, активные терминалы, новые запросы, последовательность обращений к модели, изменение рабочего контекста Адама. Ничего необычного. ЯНУС постоянно обновлял ближайшие ветви, если менялась реальность вокруг расчёта.

Только раньше Адам не видел, как одна из них сжимается у него на глазах.

0,0259.

Ева подошла ближе.

— Почему число уменьшается?

— Пересчитывается модель.

— Почему?

— Мы получили новую информацию.

— Какую?

Адам не ответил. Рен ответил за него:

— Мы узнали про девять дней.

— И что?

Он увеличил график. До 15:02 траектория Евы держалась в узком коридоре. Колебания были небольшими. В 15:03 началось падение. Слишком близко по времени. Но близко не значило связано.

— Проверим, — сказал Адам.

Ева села на кровать.

— Что?

— Не тебя.

— Я уже поняла, что когда ты так говоришь, обычно всё равно меня.

Рен сел рядом с Адамом.

— Что хочешь проверить?

— Почему пересчёт изменил вероятность.

— Потому что изменились входные условия.

— Какие именно?

Адам зафиксировал текущее состояние и создал две копии расчёта. В первой оставил события последних пяти минут. Во второй вернул модель к состоянию до того, как они нашли критическую точку.

Рен наблюдал молча. Первая копия дала 0,0257. Вторая — 0,0312. Разница была небольшой. Но она была. Адам повторил расчёт.

0,0258.

0,0311.

Ещё раз.

0,0257.

0,0313.

— Хорошо, — сказал Рен. — Что появилось между этими состояниями?

Адам открыл список. Они узнали имя матери. Узнали о критической точке. Ева увидела вероятность своего рождения. Адам пообещал попробовать. Корин получил новые результаты. Рен изменил решение о доступе к системе.

Десятки мелочей.

— Разделяем, — сказал Адам.

Следующие сорок минут они убирали изменения по одному. Имя Миры почти не влияло. Реакция Евы давала слабый сдвиг. Действия Корина — ещё меньше. Доступ к системе почти ничего не менял. Оставалось знание о критической точке. Адам убрал его из копии.

0,0309.

Вернул.

0,0261.

Рен придвинулся к экрану.

— Ещё раз.

Они повторили. Разница сохранилась. Ева молчала. Адам чувствовал её взгляд, хотя смотрел только на цифры.

— Получается, нам нельзя было узнавать? — спросил Рен.

— Нет.

— Почему?

— Потому что знание само по себе ничего не делает.

— Мы только что получили обратное.

— Мы получили корреляцию.

Рен откинулся в кресле.

— Иногда мне кажется, что если тебя ударит метеорит, ты перед смертью потребуешь второй.

— Желательно той же массы.

Ева тихо засмеялась. Адам не улыбнулся. Он открыл дерево событий между 15:02 и 15:03. Если дело было не в самом знании, оставалось то, что человек делает с ним.

— Мне нужен эксперимент.

— Какой?

Адам посмотрел на часы.

15:51.

Критическая точка приближалась.

9 ДНЕЙ 3 ЧАСА 29 МИНУТ.

— Я изменю что-нибудь незначительное.

— В реальности?

— Да.

Рен сразу понял.

— Ты хочешь посмотреть, как модель отреагирует на действие, которое ты выберешь из-за прогноза.

— Именно.

Ева подняла голову.

— Это безопасно?

— Не знаю.

— Тогда не делай.

Он замер. Рен тоже посмотрел на экран с Евой.

— Почему? — спросил Адам.

— Потому что вы опять проверяете что-то на мне.

Она сказала это без обиды. От этого стало хуже.

— Если ничего не проверять, мы не поймём, что происходит.

— А если из-за проверки число станет ещё меньше?

— Поэтому изменение будет маленьким.

— Насколько?

Адам оглядел стол. Телефон. Кофе. Пропуск. Ключи. На экране календаря стояла встреча на 16:30 с группой моделирования инфраструктуры. Обычный внутренний разбор. Его присутствие не требовалось: руководитель группы мог провести встречу без него. Адам собирался пойти. До того как увидел прогноз.

— Отменю встречу.

Рен посмотрел на календарь.

— Почему именно её?

— Она не связана с Евой по известным нам цепочкам. Изменение небольшое. И я могу точно назвать причину: без прогноза я бы пошёл.

— А теперь не пойдёшь из-за меня?

— Из-за эксперимента.

— Это почти то же самое.

Адам отменил встречу. Сообщение ушло в 15:56. Двадцать три секунды ничего не происходило. Потом ЯНУС начал пересчёт.

0,0261.

0,0254.

0,0248.

0,0239.

Ева смотрела на число вместе с ними.

— Верни встречу.

— Подожди.

— Зачем?

— Нужно увидеть, где остановится.

— Мне не интересно, где оно остановится.

0,0231.

— Адам.

Он восстановил встречу. В календаре снова появилось 16:30. ЯНУС пересчитал ветви.

0,0235.

0,0242.

0,0247.

Рост прекратился. До прежних 0,0261 число не вернулось. Рен первым нарушил тишину.

— Мы уже повлияли.

Адам проверял дерево.

— Возможно.

— Ты отменил встречу из-за прогноза. Вероятность упала. Вернул — выросла.

— Не до исходной.

— Потому что отмена уже произошла. Уведомление получили.

Адам открыл список участников встречи. Шесть человек. Руководитель группы увидел отмену через четыре секунды. Через минуту написал заместителю. Заместитель перенёс свой звонок. Один инженер ушёл на обед на двадцать минут раньше.

Маленькая цепочка уже разошлась. Адам смотрел на неё. Он отменил встречу меньше пяти минут назад. ЯНУС показывал последствия, которые уже успели стать частью настоящего.

— Можно вернуть всё как было? — спросила Ева.

Адам не ответил. Она поняла.

- Нельзя.
- Не полностью.
- Из-за одной встречи?
- Не из-за встречи. Из-за людей.

Ева посмотрела на график.

- Тогда больше ничего не меняй.

Это было разумно. Адам почти согласился. Потом увидел критическую точку.

9 ДНЕЙ 3 ЧАСА 18 МИНУТ.

Если он ничего не сделает, через девять дней произойдёт решение, связанное с ним. Вероятность траектории Евы уже ниже трёх процентов. Бездействие тоже было действием. И теперь он знал это.

В 16:08 Адам создал новый расчёт.

- Что ты делаешь? — спросил Рен.
- Ищу варианты, где вероятность Евы растёт.
- Ты только что увидел, что происходит, когда действуешь по прогнозу.
- Я увидел один случай.
- Ей хватило.

Ева ничего не сказала. Адам запустил поиск. ЯНУС перебрал ближайшие решения, которые Адам ещё мог изменить: встречи, поездки, рабочие запросы, звонки, маршруты. Большинство почти не касались нужной траектории.

Три давали заметный рост. Первое: перенести завтрашнюю встречу с руководителем вычислительного центра. Прогноз: 0,0341. Второе: отказаться от поездки в Женеву через четыре дня.

0,0417.

Третье было страннее.

СВЯЗАТЬСЯ С МИРОЙ ВЕЙЛ В ТЕЧЕНИЕ 24 ЧАСОВ.

0,0863.

Адам смотрел на число. Рен тоже.

- Восемь с половиной процентов, — сказал он.
- Вижу.
- Почти втрое выше.
- Вижу.
- Позвонишь?

Адам закрыл прогноз.

- Нет.
- Почему?
- Потому что именно это ЯНУС предлагает мне сделать.
- Он ничего не предлагает. Ты спросил, какие действия меняют вероятность.
- И получил действие.
- Разница философская.
- Нет. Причинная.

Адам встал. Ему нужно было пройтись, но комната была слишком маленькой. Он сделал несколько шагов до стены и вернулся. Рен наблюдал.

- Объясни.

Адам остановился у стола.

— До сегодняшнего дня у Миры была своя жизнь. У меня своя. ЯНУС рассчитал вероятность на основе мира, где я ещё не видел этот прогноз.

- Допустим.
- Теперь я его видел.

— И?

— Если я звоню Мире потому, что система показала 0,0863, это уже другая причина звонка.

Рен посмотрел на закрытое окно прогноза.

— И другая траектория.

— Да.

— Но система может пересчитать её.

— Пересчитает. Я увижу новый результат. Скорректирую действие. Она отреагирует. Я снова посмотрю. Потом ещё раз.

Рен понял раньше, чем Адам договорил.

— Обратная связь.

Адам кивнул. Прогноз менял решение. Решение меняло будущее. Изменившееся будущее требовало нового прогноза. И новый прогноз снова менял решение. Ева сидела на полу, прислонившись спиной к кровати.

— Вы можете говорить нормально?

— Если я узнаю будущее и пытаюсь его исправить, я сам меняю то будущее, которое увидел.

— Как с твоей встречей?

— Да.

— Тогда не смотри.

Ответ пришёл мгновенно. Адам даже не успел подумать.

— Не могу.

— Почему?

Он посмотрел на красную строку отсчёта.

— Потому что там ты.

Она отвела глаза. В 16:41 Адам всё-таки открыл прогноз снова.

0,0238.

Вариант со звонком Мире исчез. Он обновил расчёт. Система собирала новые ветви.

СВЯЗАТЬСЯ С МИРОЙ ВЕЙЛ В ТЕЧЕНИЕ 24 ЧАСОВ.

0,0612.

Было 0,0863. Теперь 0,0612. Хотя он ей ещё не звонил. Рен наклонился к экрану.

— Почему упало?

Адам открыл причинную цепочку. Причина нашлась быстро. Сам факт поиска изменил его ближайшее поведение. Он задержался в лаборатории. Отменил часть задач. Рен остался с ним. Корин расширил режим безопасности. Шесть человек получили новые распоряжения. Модель уже считала другой мир. Адам обновил прогноз ещё раз.

0,0579.

Ещё.

0,0551.

— Хватит, — сказал Рен.

Адам обновил.

0,0526.

— Адам.

0,0498.

Ева встала.

— Перестань.

Он нажал ещё раз.

0,0460.

— Папа!

Адам убрал руку. В комнате стало тихо. Он посмотрел на Еву. Она стояла у стола, сжав кулаки.

— Ты делаешь хуже.

— Я пытаюсь понять.

— Нет. Ты пытаешься получить число, которое тебе понравится.

Адам хотел возразить. Не смог. Рен медленно сел. На экране оставалось 0,0460. Адам вспомнил, как несколько часов назад 0,0318 казалось почти приговором. Теперь он сам разогнал вероятность вверх, потом начал пересчитывать и уничтожил половину прироста, даже не позвонив Мире.

— Нужно зафиксировать эффект, — сказал он.

— Назвать?

— Пока описать.

Адам открыл журнал наблюдений. Ввёл время первого случая. Отмена встречи. Возврат встречи. Повторные запросы. Изменение вероятностей. Он долго смотрел на пустое поле названия. Ева подошла к экрану со своей стороны.

— Назови «Адам всё испортил».

Рен кашлянул.

— Научно точно.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он напечатал:

ЭФФЕКТ ЯНУСА

Рен прочитал.

— Скромно.

— Рабочее название.

— Конечно.

Адам записал рядом:

ПРОГНОЗ, СТАВШИЙ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ, МЕНЯЕТ УСЛОВИЯ СОБСТВЕННОГО ПРОГНОЗА.

Он перечитал и стёр. Слишком гладко. Написал проще:

ЧЕЛОВЕК ВИДИТ ПРОГНОЗ.

МЕНЯЕТ СВОИ ДЕЙСТВИЯ.

ПРОГНОЗ ПЕРЕСТАЁТ ОПИСЫВАТЬ ПРЕЖНЮЮ СИТУАЦИЮ.

Так было точнее. И страшнее. К вечеру лаборатория опустела. Корин добился запрета на новые индивидуальные реконструкции до отдельного решения. Еву не отключили. Рен настоял, что её текущий процесс нужен для исследования аномалии.

Адам остался. На часах было 20:17. Ева рисовала. Он старался не смотреть на прогноз. Получалось плохо. Красная строка оставалась в углу экрана.

8 ДНЕЙ 22 ЧАСА 03 МИНУТ.

— Ты ел? — спросила Ева.

Адам поднял голову.

— Что?

— Сегодня.

Он попытался вспомнить. Кофе. Ещё кофе. Половина какого-то батончика ночью.

— Да.

— Что?

— Не помню.

— Значит, нет.

— Странная логика.

— Нормальная.
Она продолжила рисовать.
— Что рисуешь?
— Не покажу.
— Почему?
— Ты всё анализируешь.
— Не всё.
Ева подняла лист.
— Врёшь.
— Иногда.
— Уже лучше.

Адам открыл рабочую почту. Тридцать семь непрочитанных сообщений. Он просмотрел первые пять и закрыл. Телефон лежал рядом. Имя Миры он не открывал. В 21:06 Ева сама спросила:

— Ты боишься ей звонить?
— Нет.
— Тогда почему не звонишь?
— Потому что не хочу звонить ей из-за числа на экране.
— А из-за меня?
— Это сложнее.
— Почему?
— Потому что ты тоже появилась из расчёта.
— То есть если ЯНУС сказал позвонить, нельзя. А если я сказала, тоже нельзя?
— Я этого не говорил.
— Но думаешь.

Он промолчал. Ева отложила карандаш.

— А если бы ЯНУСа не было?
— Я бы не знал о тебе.
— Понятно.

Она легла на кровать лицом к стене. Адам посмотрел на её спину.

— Ева.
— Что?
— Я позвоню Мире.
— Сейчас?
— Нет.
— Почему?

Он уже видел раздражение на её лице и договорил раньше, чем она успела.

— Потому что сейчас девять вечера, мы не разговаривали несколько месяцев, и фраза «у нас есть одиннадцатилетняя дочь из вероятного будущего» требует хотя бы немного подготовки.

Ева секунду смотрела на него. Потом рассмеялась.

— Ладно.
— Завтра.
— Обещаешь?

Адам посмотрел на часы. На этот раз ответил сразу.

— Да.
Ева устроилась удобнее.
— Тогда запиши. Ты любишь записывать.

Он взял лист, на котором утром стояли цифры 714928. Перевернул. Написал:

ПОЗВОНИТЬ МИРЕ.

Ева приподнялась.

— Время.

— Зачем?

— Чтобы не обманул.

Адам дописал: ДО 12:00.

— Нормально?

— Нормально.

Она снова легла. Через несколько минут дыхание стало ровнее. Адам не знал, нужен ли ей сон, спит ли она так же, как человек, видит ли сны.

Сегодня список вещей, которых он не знал, рос быстрее списка ответов. Он выключил часть экранов. Оставил только журнал Евы и отсчёт.

8 ДНЕЙ 21 ЧАС 41 МИНУТА.

Адам заставил себя не открывать прогноз. Продержался семь минут. Потом увидел изменение без запроса. Вероятность траектории Евы снова падала.

0,0458.

0,0441.

0,0410.

Он не касался системы.

— Элиас.

Рен ещё не ушёл. Голос донёсся из соседней комнаты:

— Что?

— Иди сюда.

Рен вошёл, застёгивая куртку.

— Ты опять пересчитывал?

— Нет.

Они смотрели на график.

0,0392.

— Что изменилось?

Адам открыл журнал реального состояния. Ничего заметного. Потом система подсветила один новый фактор.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ:

КОНТАКТ С МИРОЙ ВЕЙЛ.

ОСНОВАНИЕ:

ПРИНЯТОЕ РЕШЕНИЕ.

Адам почувствовал холод раньше, чем понял. Он ещё не позвонил Мира. Но решение уже стало частью модели. Рен медленно снял куртку.

— Похоже, ждать до завтра не будем.

На кровати Ева пошевелилась. Не проснулась. Адам взял телефон. Нашёл имя, которое не открывал несколько месяцев.

МИРА ВЕЙЛ.

Палец остановился над вызовом. В углу экрана:

8 ДНЕЙ 21 ЧАС 34 МИНУТЫ.

Адам нажал. Первый гудок. Второй. Третий. На четвёртом Мира ответила:

— Адам?

Он услышал её голос впервые за несколько месяцев и понял, что ни один из подготовленных вариантов начала разговора не годится.

— Привет, Мира.

— Что случилось?

Адам посмотрел на спящую Еву.
— Мне нужно тебе кое-что показать.

Глава 7. НЕ СМОТРИ

— Мне нужно тебе кое-что показать.

Мира молчала. В трубке шумела улица. Рядом с ней кто-то говорил, проехала машина. Она была не дома.

— Адам, сейчас десять вечера.

— Знаю.

— Если бы знал, начал бы разговор иначе.

Ева лежала спиной к камере.

— Дело в ЯНУСе.

— Тогда завтра.

— Мира...

— У меня через шесть часов смена.

Он забыл, что по пятницам она начинала рано. Когда-то знал.

— Это важно.

— Кому?

Вопрос остановил его.

— Тебе тоже.

Шум улицы отдалился.

— Ты в порядке?

— Да.

— Кто-нибудь умер?

Адам посмотрел на экран.

— Нет.

Мира выдохнула.

— Тогда завтра. После шести.

— Мне нужно раньше.

— Зачем?

Он мог сказать: у нас есть дочь. Мог назвать Еву. Мог отправить запись её голоса, журнал первого появления, расчёт. Не отправил. Если Мира узнает сейчас, она может изменить планы. ЯНУС пересчитает траекторию. Адам увидит новый результат, вмешается ещё раз и получит следующий. Он уже видел начало этой цепочки.

— Адам?

— Давай завтра.

— Ты только что со мной спорил.

— Передумал.

— За семь секунд?

— Да.

— Теперь я беспокоюсь ещё больше.

Он почти улыбнулся.

— Не надо.

— После таких слов обычно поздно советовать.

— Я позвоню утром.

— В восемь я уже буду в центре.

— В семь тридцать.

— Хорошо.

Она собиралась отключиться, но задержалась.

— Адам.

— Что?

— Дело не в нас?

Он помедлил.

— Нет.

Мира тихо усмехнулась.

— Семь секунд закончились?

— Дело в другом человеке.

— В ком?

— Завтра.

Мира отключилась. Адам ещё держал телефон у уха, когда ЯНУС начал пересчитывать ближайшие ветви.

0,0387.

0,0379.

0,0361.

Адам закрыл окно. Рен стоял за его спиной.

— Даже смотреть не будешь?

— Нет.

— Первый разумный поступок за последние два часа.

— Не привыкай.

Рен снял куртку со спинки кресла.

— Иди спать.

— Останусь.

— Ты почти сутки на ногах.

— Посплю здесь.

— Четыре часа в комнате отдыха?

— Хватит.

— Она спит?

— Похоже.

— Ты сейчас сказал так, будто боишься проверить.

Адам погасил экран с прогнозом.

— Боюсь.

Рен ушёл в 22:14. Адам лёг на узкий диван и поставил будильник на 02:30. Проснулся в 00:47. Сам.

Он смотрел в потолок, не понимая, где находится. Кондиционер гудел иначе, чем дома. На стене горел зелёный аварийный индикатор. Потом вспомнил. Ева.

Он сел. Новых сообщений не было. До лаборатории дошёл босиком. Обувь осталась у дивана. Ева спала. Адам остановился перед терминалом. Прогноз не открывать. Он проверит только состояние процесса. Это другое.

СТАБИЛЬНОСТЬ ПРОЦЕССА: 91,2 %

В 22:00 было 94,7. Адам сел. Падение могло оказаться обычным дрейфом. Ева существовала больше суток внутри среды, которая изначально для неё не создавалась. Сложные реконструкции накапливали расхождения. Он открыл историю показателя.

94,7.

94,1.

93,8.

92,9.

91,2.

Снижение началось вскоре после звонка Мира. Рука сама потянулась к причинному дереву. Адам остановился. Вместо него открыл диагностику.

ПАМЯТЬ: ДОСТУПНА

ЛИЧНОСТНАЯ МОДЕЛЬ: СТАБИЛЬНА

СВЯЗНОСТЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: 0,884

Вчера было больше 0,93. Он записал число на бумаге. Никаких новых расчётов. В 01:03

Ева пошевелилась. Открыла глаза.

— Ты чего без ботинок?

Адам посмотрел на ноги.

— Забыл.

— Очень умный.

— Спи.

Она приподнялась на локте.

— Ты смотрел?

— Куда?

— В будущее.

— Нет.

— Точно?

— Точно.

Ева разглядывала его.

— Хорошо.

Она снова легла.

— Ева.

— М-м?

— Помнишь, что было вечером?

— Ты позвонил маме.

— Ещё?

— Она про меня не знает.

— Ещё?

— Ты обещал позвонить утром. В семь тридцать.

Адам почувствовал облегчение и тут же разозлился на себя. Разбудил ребёнка посреди ночи. Проверил память. Обрадовался правильным ответам.

— Всё нормально, — сказал он.

Ева открыла один глаз.

— Я не спрашивала.

— Спи.

— Ботинки надень.

В 02:30 будильник зазвонил в пустой комнате отдыха. Адам его не услышал. Он спал в кресле перед терминалом. В 06:18 его разбудил Рен. На столе стояли два стакана кофе и бумажный пакет.

— Ешь.

Адам посмотрел на часы.

— Ты зачем приехал так рано?

— Мне стало интересно, что ты успеешь испортить до завтрака.

Адам открыл пакет. Сэндвич.

— Стабильность упала.

Рен перестал улыбаться.

— Сколько?

— Вчера было 94,7. Ночью 91,2.

— Сейчас?

Адам открыл диагностику.

89,6.

Он замер.

— Ты запускал расчёты? — спросил Рен.

— Нет.

— Прогноз не открывал?

— Нет.

— Ни разу?

— Ни разу.

Рен придвинул кресло.

— Значит, дело не только в просмотре.

— Возможно.

— Звонок Мире?

— Не знаю.

Адам проверил изменения вокруг неё. Мира не перестраивала день. По информации, доступной системе, утро шло почти так же, как обычно. В 05:41 она вышла из дома. В 06:09 вошла в исследовательский центр. Ничего заметного.

— Может, мы неправильно поняли сам эффект, — сказал Рен.

— Может.

— Или с Евой происходит что-то ещё.

Адам кивнул. Этот вариант нравился ему ещё меньше. В 06:37 Ева проснулась. Села на кровати, растрёпанная, недовольная, и уставилась перед собой.

— Доброе утро, — сказал Рен.

— Не уверена.

— Уже разговариваешь как взрослая.

— Тогда кофе.

— Нет.

— Почему ему можно?

Она показала на Адама. Рен посмотрел на него.

— Он слишком давно начал. Теперь поздно спасать.

— Я тоже хочу.

Адам отодвинул стакан.

— Тебе одиннадцать.

— Вчера было одиннадцать. Сегодня опять одиннадцать. Очень полезно.

Рен усмехнулся. Адам наблюдал за ней. Речь не изменилась. Она помнила ночь.

— Что? — спросила Ева.

— Ничего.

— Ты опять меня глазами проверяешь.

— Нельзя проверять глазами.

— Ты можешь.

Она подошла к столу и взяла вчерашний рисунок. Три фигуры. Над третьей было написано «МАМА». Ева провела пальцем по слову.

— Сегодня расскажешь?

— Да.

— Всё?

Адам подумал.

— Почти.

— А что оставишь себе?

— Пока не решил.

— Удобно.

Она положила рисунок обратно. В 07:12 показатель снизился до 87,3. Адам заметил число случайно, когда открывал канал связи с медицинским блоком. Сразу закрыл окно. Рен всё равно увидел.

— Сколько?

— Восемьдесят семь и три.

Ева повернулась.

— Что восемьдесят семь?

Никто не ответил.

— Это про меня?

Адам выключил служебный экран.

— Технический показатель.

— Хороший?

— Он падает.

— Сильно?

— Примерно на семь пунктов с вечера.

Она села.

— Из ста?

— Шкала устроена сложнее.

— Значит, плохо.

Адам не стал спорить. Ева посмотрела на рисунок.

— Из-за звонка маме?

— Не знаем.

— Из-за того, что ты решил мне помочь?

— Тоже не знаем.

— Сегодня вы особенно полезные.

— Мы точно установили, что кофе здесь отвратительный.

— Это я ещё вчера установила.

В 07:26 Адам подготовил разговор с Мирой. Только то, что уже произошло. Первое появление Евы. Проверка памяти. Повторное возникновение в другом узле. Реконструкция родства. Вероятность рождения он решил не показывать. Девятидневный отсчёт тоже. Рен прочитал список.

— Почему молчишь про девять дней?

— Если Мира увидит прогноз, она начнёт принимать его в расчёт.

— А Еву она в расчёт принимать не будет?

— Будет.

— Значит, прежнего хода событий уже не вернуть.

— Я не пытаюсь поставить на Мире опыт.

— Хорошо, что ты это ещё помнишь.

Адам понял, к чему он ведёт. За последние часы люди слишком легко превращались у него в переменные. Телефон завибрировал в 07:29. Мира. Сообщение. «Освободилась на десять минут раньше. Можешь сейчас». Адам прочитал. Ева стояла у экрана.

— Она?

— Да.

— Можно я останусь?

— Нет.

— Почему?

— Сначала поговорю с ней сам.

— Обо мне.

— Да.

- Без меня.
- Да.
- Ева скрестила руки.
- Отлично.
- Ева.
- Иди.
- Я вернусь.
- Знаю.

Она отвернулась. Адам вышел в соседнюю комнату, закрыл дверь и включил связь. Мира ответила сразу. Белый лабораторный халат. Собранные волосы. За спиной стеклянная перегородка и знакомый коридор нейрокогнитивного центра. Она посмотрела на него.

- Ты ужасно выглядишь.
- Почти не спал.
- Вижу. Рассказывай.
- Адам заранее придумал начало. Когда увидел Миру, фраза показалась чужой.
- Вчера в ЯНУСе появилась индивидуальная реконструкция.
- Кого?
- Пока не знаем.
- Начни сначала.

Он рассказал. О транспортной модели. О структуре, которой там быть не должно. О девочке. О памяти. Об удалении. О втором появлении в другом узле. Мира слушала как специалист. Потом спросила:

- Сколько ей лет?
- Одиннадцать.
- Имя?

Адам помедлил.

- Ева.

Мира не шевельнулась. Четыре секунды. Может, пять.

- Продолжай, — сказала она.

Он рассказал про 714928. Здесь Мира перебила.

- Генератор физический?
- Да.
- Изолированный?
- Проверили.
- Кто?
- Корин и две отдельные группы.
- Последовательность могла лежать в буфере?
- Нет.
- Генератор создаёт числа заранее?
- Следов не нашли.
- Часы?
- Сверили с отдельным источником.
- Повторили опыт?
- Ещё нет.

Мира кивнула.

- Тогда доказательством это пока не назовёшь.

Адам почувствовал облегчение.

- Я сказал то же самое.
- Поздравляю. Шесть лет развода не прошли зря.

Он улыбнулся. Едва заметно.

— Есть ещё кое-что.

Мира посмотрела прямо в камеру. Адам отправил ей результат реконструкции. Она открыла файл. Сначала увидела его имя. Потом своё. Лицо почти не изменилось. Пальцы, лежавшие на столе, замерли.

— Что это?

— Мы попытались восстановить семейную линию Евы.

— Я вижу цифры. Как вы их получили?

— Сопоставили её устойчивые признаки с человеческими траекториями внутри модели.

Мира дочитала.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОТЕЦ:

АДАМ ВЕЙЛ

ВЕРОЯТНОСТЬ СООТВЕТСТВИЯ: 0,9971

Ниже:

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ МАТЬ:

МИРА ВЕЙЛ

ВЕРОЯТНОСТЬ СООТВЕТСТВИЯ: 0,9968

Она закрыла файл.

— Нет.

Адам молчал.

— Нет, Адам. Нельзя прислать мне две строки из модели и решить, что у нас есть дочь.

— Я не решил.

— Ты позвонил мне в десять вечера.

— Потому что связь слишком сильная, чтобы её игнорировать.

— По оценке самого ЯНУСа. Того самого ЯНУСа, который создал неизвестную структуру неизвестно откуда.

— Да.

— Тогда эти 0,9968 ничего не подтверждают сами по себе.

— Согласен.

— Почему ты со мной не споришь?

— Потому что ты права.

— Ненавижу, когда ты так делаешь.

— Что?

— Приносишь безумие и остаёшься самым спокойным человеком в комнате.

Он не нашёл ответа. Мира потёрла лоб.

— Она сейчас существует?

Адам посмотрел на закрытую дверь.

— Процесс работает.

— Я не про процесс.

Он понял.

— Не знаю.

Мира закрыла глаза. Ненадолго.

— Я могу с ней поговорить?

Вчера Адам хотел именно этого. Теперь вопрос напугал его.

— Пока нет.

Мира открыла глаза.

— Почему?

— Её состояние меняется.

— Что именно?

— Память становится менее связной.

— Скорость?

— Пока небольшая.

— Причину нашли?

— Нет.

— Тогда пришли журнал.

— Пришлю.

— И соедини меня с ней.

— Чуть позже.

Мира смотрела на него.

— Ты звонишь и рассказываешь про девочку, которую ЯНУС считает нашей возможной дочерью. А когда я хочу её увидеть, отвечаешь «чуть позже»?

— Мне нужно проверить одну вещь.

— Какую?

Адам промолчал. Она сразу заметила.

— Ты что-то скрыл.

— Да.

— Что?

— Есть прогноз. Если ты его увидишь, он может изменить твои решения.

Лицо Миры стало жёстче.

— И ты решил, что мне лучше его не знать.

— Пока да.

— Конечно.

— Мира...

— Не надо. Эту часть я уже знаю.

Связь оборвалась. Адам ещё секунду смотрел на пустой экран. Знакомое чувство вернулось слишком легко. Он снова решил за неё. И снова мог подробно объяснить себе, зачем. Когда Адам вернулся, Ева сидела на полу и рисовала.

— Она поверила?

— Нет.

— Совсем?

— Хочет проверить.

— Значит, чуть-чуть поверила.

— Не обязательно.

— Для тебя.

Адам сел.

— Она хочет поговорить с тобой.

Ева перестала рисовать.

— Когда?

— Сегодня.

— Почему не сейчас?

— Сначала разберусь с твоей памятью.

Ева медленно положила карандаш.

— А что с моей памятью?

Адам пожалел о формулировке.

— Один показатель снижается.

— Тот, где было восемьдесят семь?

— Да.

— Сколько сейчас?

Он открыл диагностику.

84,9.

Ева увидела.

— Я разваливаюсь?

— Нет.

Ответ вылетел слишком быстро. Она это заметила.

— Ты даже не подумал.

— Потому что число показывает другое.

— Что?

Адам посмотрел на график.

— Представь фотографии одного дня. На одной идёт дождь. На другой сухо. На третьей ты в школе. На четвёртой в то же время сидишь дома.

— Какая настоящая?

— Вот этого система сейчас и не может решить.

Ева долго смотрела на него.

— У меня несколько прошлых?

— Возможно, ЯНУС собирает тебя из нескольких очень близких вариантов.

— Но я одна.

— Ты чувствуешь себя одной.

— Я не чувствую. Я одна.

Адам замолчал.

— Хорошо.

— А ЯНУС что думает?

Он посмотрел на график.

— ЯНУС не думает.

— Опять ты со словами.

Ева взяла рисунок.

— Я помню, что нарисовала его вчера.

— Да.

— Помню жёлтый карандаш.

— Да.

— Помню, как ты меня выключил.

— Да.

— Помню цифры.

— Да.

Она говорила быстрее, словно боялась не успеть.

— Помню, что мама работает с мозгом.

Адам поднял голову.

— Я тебе этого не говорил.

Ева замолчала. Рен подошёл ближе.

— Откуда знаешь?

— Не знаю.

— Ты слышала разговор?

— Нет. Он закрыл дверь.

Адам проверил канал. Звук из соседней комнаты Еве не передавался.

— Что ещё помнишь о Мире?

Ева закрыла глаза.

— Она работает...

— Где?

— Не знаю.

— Что делает?

— Не знаю.

— Как выглядит?

Ева подняла руку к волосам. Остановилась.

— Не знаю.

— Ты раньше её видела?

— Конечно.

Слишком быстро.

— Где?

— Дома.

— Где именно?

— На кухне.

Рен перестал двигаться.

— Что там было?

— Стол.

— Какой?

— Белый.

Ева нахмурилась.

— Нет.

Потёрла виски.

— Деревянный.

— Не угадывай.

— Я не угадываю.

— Тогда какой?

— Я не знаю!

Она вскочила.

— Хватит.

— Хорошо.

— Нет, не хорошо. Вы спрашиваете, я отвечаю, а потом вы переглядываетесь.

— Больше не буду.

— Правда?

— Правда.

Ева отошла к окну. За стеклом был двор, которого Адам не находил ни на одной карте. Он смотрел на её спину. Белый стол. Деревянный стол. Две несовместимые детали, и обе Ева вспоминала как свои. Адам открыл журнал так, чтобы она не увидела.

СВЯЗНОСТЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: 0,812

Рен наклонился к экрану.

— Почему вчера такого не было?

Адам уже искал ответ. Не прогноз. Только устройство самой реконструкции. Он сопоставил память Евы с ближайшими траекториями, не выводя будущие события. На экране появились пересекающиеся области. В центре совпадений было много. Имя. Возраст. Адам. Мира. Дальше линии расходились.

Комната сохранялась уже не в каждой траектории. Школа различалась сильнее. Отдельные эпизоды детства существовали сразу в нескольких вариантах. Адам приблизил схему. Вот оно. Ева не забывала прошлое так, как забывает человек после травмы или болезни. Проблема была в другом.

— Нашли? — спросил Рен.

— Кажется.

— Что с ней?

Адам указал на пересечение.

— ЯНУС строит её внутри нескольких близких будущих траекторий. Пока они похожи, биография тоже почти одна.

Он развёл две линии на экране.

— Мы меняем условия. Траектории расходятся. Вместе с ними начинают расходиться воспоминания, из которых собрана Ева.

— Поэтому она помнит два стола?

— Похоже.

— Можно отделить то, что сохраняется при расхождении?

Адам запустил сравнение. На экране осталась область, где признаки Евы совпадали в близких траекториях. Снаружи мелькали различия. Внутри ещё держалась она. Адам долго смотрел на эту область. Потом дал ей имя.

ОБЛАСТЬ ЛИЧНОСТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Рен прочитал.

— Насколько быстро она уменьшается?

Адам вывел историю. Рен перестал улыбаться. Ева повернулась.

— Вы опять что-то нашли?

Адам закрыл окно.

— Да.

— Плохое?

Он не ответил сразу.

— Пока непонятное.

— Это у тебя значит «плохое».

Она снова отвернулась. В 09:18 Адам открыл прогноз. Хотел проверить только критическую точку. Вероятность реализации Евы:

0,0274.

Он закрыл окно. Но строку ниже уже увидел.

КРИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА:

8 ДНЕЙ 9 ЧАСОВ 02 МИНУТЫ

Она оставалась на месте. Адам сидел неподвижно. Не смотреть значило не знать, что приближается. Смотреть значило получить знание, которое изменит его поступки. Он снова открыл окно.

0,0268.

Обновил.

0,0261.

Рен заметил.

— Опять?

— Проверяю критическую точку.

— Она на месте?

— Да.

— Тогда закрой.

Адам открыл детали.

— Адам.

На экране расходились новые ветви. Звонок Море. Отложенный разговор. Решение скрыть от неё прогноз. Проверка памяти Евы. Каждое новое действие меняло ближайшие условия. Область личностной устойчивости сжималась.

0,794.

0,781.

0,763.

— Закрой, — сказал Рен.

— Ещё один расчёт.

— Не надо.

Адам обновил.

0,741.

Из комнаты Евы донёлся стук. Карандаш упал на пол. Адам обернулся. Ева стояла посреди комнаты. Не двигалась.

— Ева?

— Что?

— Ты в порядке?

— Да.

Но растерянность уже была слышна. Ева оглянулась на кровать. На стол. На окно. Снова на кровать.

— Ева?

Она подошла к стене и коснулась её ладонью.

— Пап...

Адам замер.

— Я здесь.

Глаза у Евы блестели.

— Какого цвета была моя комната?

Адам почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Перед ним была комната со светлыми стенами, серой кроватью и столом у окна. Но Ева спрашивала не про неё.

— Какая комната?

— Моя.

— Эта?

Она покачала головой.

— Настоящая.

Адам молчал. Ева прижала ладони к вискам.

— Я помню голубую.

— И жёлтую.

— Они обе мои.

На соседнем экране показатель упал до 0,713. Рен протянул руку и закрыл прогноз. Ева увидела. Посмотрела на погасшее окно. Потом на Адама.

— Это из-за тебя?

Он хотел сказать, что не знает. Не успел.

— Не смотри.

— Ева...

— Пожалуйста.

Она вытерла щёку ладонью, будто сердилась на собственные слёзы.

— Ты смотришь, что будет. Потом что-нибудь меняешь. Потом опять смотришь.

Адам молчал.

— И каждый раз у меня что-то другое.

— Мы ещё не знаем, связано ли это напрямую.

Ева коротко рассмеялась.

— Узнаешь потом.

Она подошла ближе к краю изображения.

— Папа.

Адам поднял глаза.

— Не смотри.

Глава 8. ЗАБЫВАЮ

— Не смотри.

Адам убрал руки от клавиатуры. Экран с прогнозом был закрыт. Рядом оставалась диагностика Евы.

0,713.

Ева стояла у стены и ждала ответа.

— Хорошо.

— Совсем?

Рен не вмешивался.

— Я не буду открывать прогноз без необходимости.

— Это не «совсем».

— Потому что я не могу обещать то, чего не знаю.

Ева вытерла лицо.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Как?

— Чтобы потом нельзя было сказать, что ты соврал.

Адам хотел возразить. Не стал.

— Наверное.

— Удобно.

Она подняла карандаш с пола и села за стол. Разговор закончился. По крайней мере, для неё. Адам закрыл диагностику. Перед ним остался пустой экран. Впервые с момента появления Евы он ничего не считал. Через минуту эта пустота стала почти физически неприятной.

Где-то за закрытым окном продолжал идти отсчёт. Критическая точка приближалась. Вероятность менялась. Область личностной устойчивости могла сжиматься. Адам мог проверить. Не проверил. В 09:34 Рен поставил перед ним стакан воды.

— Что?

— Ты уже минут пятнадцать смотришь в выключенный монитор.

— Думаю.

— Попробуй делать это с водой.

Адам выпил.

— Нам всё равно нужно наблюдать за ней.

— Наблюдать можно без прогноза.

— Диагностика тоже влияет на наши решения.

— Любая информация влияет на решения.

— Именно.

Рен сел напротив.

— Тогда где граница?

Адам не ответил. Вот в чём была проблема. Если отказаться от будущих прогнозов, останутся показатели текущего состояния Евы. Они тоже изменят его поведение. Если скрыть показатели, останется сама Ева: её слова, страх, память, просьбы. Не знать уже не получалось. Они знали о ней. Этого нельзя было отменить.

— Оставим только текущее состояние, — сказал Адам. — Без расчёта будущих траекторий.

— А если показатель снова упадёт?

— Увидим факт. Не будем спрашивать ЯНУС, что с ним станет через час.

Рен кивнул.

— Уже похоже на правило.

— Временное.

— Разумеется.

Адам настроил экран: только текущие параметры. Без вероятности рождения, критической точки, вариантов действий и расчёта последствий. Ева рисовала.

— Я закончил.

— Что?

— Прогноз закрыт.

Ева не подняла головы.

— Хорошо.

— Оставил только то, что происходит сейчас.

— Со мной?

— Да.

— И если станет хуже?

— Будем разбираться с тем, что уже случилось.

Она подумала.

— Так лучше.

Адам не был уверен. В 10:07 Ева попросила завтрак. Это поставило их в тупик.

— Какой? — спросил Рен.

— Обычный.

— Что ты обычно ешь?

— Хлопья.

— Какие?

Ева пожала плечами.

— С шоколадом.

— Не смотри на меня. Я не отвечаю за питание реконструкций.

— Я хочу настоящие.

— Здесь нет настоящих хлопьев.

— У вас вообще ничего нет.

— Кофе есть.

— Он ужасный.

— Верно.

Адам открыл настройки среды. Ева сразу насторожилась.

— Ты что делаешь?

— Это не прогноз.

— Точно?

— Меняю содержимое комнаты.

— Можно?

— Раньше можно было.

— А сейчас?

Адам остановился. Раньше любые изменения казались безобидными. Теперь — нет.

— Проверим на одном предмете.

— На хлопьях.

— На стакане воды.

Ева закатила глаза.

— Конечно.

На столе появился прозрачный стакан. Она взяла его.

— Вода хотя бы холодная?

— Да.

Ева отпила. Скривилась.

— Тёплая.

Рен рассмеялся. Адам проверил параметр среды.

— Двадцать один градус.

— Я сказала холодная.

Он изменил температуру. Ева снова отпила.

— Вот.

— Пять градусов.

— Поздравляю.

— С чем?

— Ты сделал воду.

Рен отвернулся, но Адам заметил улыбку. Через несколько минут появились хлопья. Ева потребовала шоколадные. Потом молоко. Потом другую ложку, потому что первая была «как в больнице». Адам менял предметы и следил только за текущей устойчивостью.

0,714.

0,712.

0,713.

Никакого заметного сдвига. Ева ела, сидя на кровати, хотя стол находился в двух метрах.

— У тебя есть стол, — сказал Адам.

— Вижу.

— Тогда почему...

— Не начинай.

Он не начал. В 10:41 она отставила миску.

— Я вспомнила.

Адам напрягся.

— Что?

— Мою комнату.

Рен перестал печатать.

— Какую? — спросил Адам.

— Голубую.

— А жёлтую?

— Какую жёлтую?

Адам почувствовал холод.

— Утром ты сказала, что помнишь две комнаты.

— Нет.

— Ева.

— Что?

— Ты сказала: голубую и жёлтую.

Она смотрела на него без узнавания.

— Зачем мне две комнаты?

Адам промолчал. Ева заметила его лицо.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

— Что?

— У тебя опять это лицо.

— Какое?

— Когда я отвечаю неправильно.

— Нет правильного ответа.

— Тогда почему ты так смотришь?

Адам заставил себя отвести взгляд.

— Голубая. Расскажи про неё.

— Стены голубые. Не яркие. У окна стол. На стене полки. Две.

— Что на полках?

— Книги.

— Какие?

Она начала перечислять. Три названия. Одно Адам записал. Два других не успел. Ева остановилась посреди слова.

— Что?

— Ничего.

— Ты замолчала.

— Я забыла название.

— Какое?

— Книги.

— Нормально забыть название книги.

— Я только что его знала.

Адам посмотрел на время.

10:43.

— Не пытайся вспомнить силой.

— Почему?

— Просто расскажи что-нибудь другое.

— На столе лампа.

— Какая?

— Белая.

Она замолчала.

— Нет.

Адам ничего не сказал.

— Красная.

Ева зажмурилась.

— Нет.

Руки легли на виски.

— Не надо, — сказал Адам.

— Она зелёная.

— Ева.

— Я знаю, какая она!

Она вскочила. Миска с хлопьями упала с кровати. Молоко разлилось по полу. Ева не заметила.

— Я видела её каждый день.

Адам встал, хотя это ничего не меняло. Между ними не было общей комнаты.

— Посмотри на меня.

— Зачем?

— Посмотри.

Она посмотрела.

— Не вспоминай лампу.

— Почему?

— Потому что сейчас это неважно.

— Для тебя.

— Для меня тоже.

— Нет.

Ева тяжело дышала.

— Ты знаешь, какого цвета твоя лампа дома?

Адам представил спальню. Чёрная стойка. Светлый плафон.

— Да.

— А если завтра не будешь знать?

Он молчал.

— Вот.

Ева села на кровать.

— Убери хлопья.

Адам удалил миску и молоко из среды. Пятно на полу осталось.

— И это.

Он убрал пятно. Ева посмотрела на чистый пол.

— Так нечестно.

— Что?

— Ты можешь убрать то, что случилось.

Адам замер.

— Только здесь.

— А у себя?

— Нет.

— Повезло тебе.

Она легла и отвернулась. В 11:06 текущая устойчивость была 0,708. Почти без изменений. Число больше не успокаивало. Ева уже забыла жёлтую комнату, а показатель почти не сдвинулся.

Значит, число не измеряло потерю конкретного воспоминания. Оно показывало размер области, где близкие варианты Евы ещё совпадали. Внутри этой области могли исчезать целые куски её истории, пока общая структура оставалась устойчивой.

— Нам нужен другой способ, — сказал он.

Рен поднял голову.

— Какой?

— Зафиксировать то, что она сама считает собой.

— Тест?

— Нет.

— Архив.

Она услышала.

— Я не хочу ещё один тест.

— Это не тест.

— Ты уже так говорил.

— Тогда придумай сама.

— Что придумать?

— Как сохранить то, что тебе важно помнить.

Она села.

— Записать?

— Да.

— А если запись тоже поменяется?

Адам задумался.

— Сделаем её вне твоего процесса.

— У тебя?

— Да.

— И ты не будешь исправлять?

— Без твоего разрешения не буду.
— Даже ошибки?
— Даже ошибки.
— Он сможет?
— С трудом, — сказал тот.
— Я серьёзно.
— Я тоже.
Ева слезла с кровати и села за стол.
— Тогда я сама буду говорить.
Адам открыл пустой файл.
— Название?
Она задумалась.
— «Я».
— Просто «Я»?
— Да.
Адам напечатал: Я
— Пиши.
— Что?
— Я буду говорить.
— Говори.
Ева посмотрела в окно.
— Меня зовут Ева.
Адам записал.
— Мне одиннадцать лет.
Записал.
— Я не люблю математику.
— Это точно?
— Очень.
— Хорошо.
Записал.
— Люблю рисовать.
— Наверное.
— Почему «наверное»?
— Потому что здесь я всё время рисую. А раньше не помню.
Адам оставил фразу как есть.
— Я боюсь темноты.
Она нахмурилась.
— Нет. Удали.
— Почему?
— Не боюсь.
— Ты только что сказала...
— Удали.
Он удалил. Ева смотрела на текст.
— Я не люблю, когда меня проверяют.
Адам записал.
— Особенно ты.
— Это тоже писать?
— Обязательно.
Он написал. Рен встал.

- Я, пожалуй, выйду.
- Почему?
- Чувствую, дальше будет раздел про нас.
- Про тебя тоже есть.
- Тогда точно выйду.

Ева впервые за последний час улыбнулась. Рен ушёл. Они остались вдвоём. Ева диктовала почти двадцать минут. Любит запах дождя. Не любит варёную морковь. Хочет собаку, но большую, а не «маленькую нервную». Умеет плавать. Не уверена, умеет ли кататься на велосипеде.

Помнит шрам на правом колене, но не помнит, где его получила. Знает, что у неё была подруга по имени Лиза. Не помнит лицо Лизы. Уверена, что однажды они сильно поссорились. Не знает из-за чего. Адам ничего не исправлял.

В 11:39 Ева замолчала.

— Всё?

— Нет.

Она смотрела на текст.

— Напиши: «Мой папа — Адам».

Он не двинулся.

— Пиши.

— Ева...

— Ты сказал, что не будешь исправлять.

Адам напечатал:

МОЙ ПАПА — АДАМ.

— Ещё.

Она глубоко вдохнула.

— «Моя мама — Мира».

Он записал. Ева прочитала.

— Теперь если забуду, ты покажешь?

— Да.

— Даже если я скажу, что это неправда?

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что если ты будешь уверена, что запись ошибочна, я не смогу просто решить, что старая Ева важнее тебя нынешней.

Она нахмурилась.

— Это сложно.

— Да.

— А можно сейчас просто пообещать?

Адам хотел сказать нет. Но она просила не научную гарантию.

— Покажу.

— Хорошо.

Она снова посмотрела на текст.

— Сохрани.

Адам сохранил файл на отдельном носителе вне среды реконструкции. Потом сделал вторую копию. Ева заметила.

— Две?

— Да.

— Не доверяешь первой?

— Нет.

— Это очень по-твоему.

В 12:04 пришло сообщение от Миры. «Я посмотрела журналы. Хочу увидеть Еву сегодня. Не запись. Её». Адам прочитал дважды. Ева сразу заметила.

— Мама?

Он кивнул.

— Что пишет?

— Хочет поговорить с тобой.

Ева замерла.

— Сейчас?

— Сегодня.

— Она поверила?

— Она хочет увидеть сама.

— Это да или нет?

— Пока нет.

Ева встала и подошла к зеркалу. До этого Адам почти не видел, чтобы она им пользовалась. Она поправила волосы, одёрнула серую футболку, посмотрела на синяк на колене.

— Можно другую одежду?

— Можно.

— Нет.

Она снова посмотрела на себя.

— Пусть так.

— Почему?

— Она же должна увидеть меня, а не то, что я выбрала за пять минут до встречи.

Адам промолчал. Ева повернулась.

— Когда?

— Я договарюсь.

Она кивнула. Потом неожиданно спросила:

— Как она выглядит?

Адам вспомнил лицо Миры на экране.

— Тёмные волосы. Сейчас до плеч. Карие глаза.

— Высокая?

— Среднего роста.

— Красивая?

Он замолчал. Ева прищурилась.

— Очень сложный научный вопрос?

— Да.

— Понятно.

Она вернулась к столу.

— Покажешь фотографию?

Адам открыл рот. Остановился. Если показать фотографию, она станет частью памяти Евы. Через час будет невозможно понять, вспоминала ли она Миру или запомнила изображение. Ева увидела его колебание.

— Опять боишься что-то испортить?

— Да.

Она вздохнула.

— Тогда не показывай.

Адам убрал руку. Ева спросила:

— У неё волосы всегда были тёмные?

— Да.

— Длинные?

— Когда мы познакомились, длиннее.

— А потом?

— По-разному.

Ева смотрела на него.

— Она носила красное пальто?

Адам перестал дышать. Мира носила красное пальто. Двенадцать лет назад. Недолго. Подарок её матери, который Мира терпеть не могла. Она надевала его одну зиму, пока не порвала рукав о металлическое ограждение возле их дома. Адам никогда не рассказывал об этом ЯНУСу.

— Почему ты спрашиваешь?

Ева пожала плечами.

— Вспомнила.

— Где ты её видишь?

Ева закрыла глаза.

— Она стоит возле двери.

— Какой двери?

— Не знаю.

— Что вокруг?

— Снег.

— Ева, сколько тебе там лет?

Она долго молчала.

— Меня нет.

Адам почувствовал, как пальцы похолодели.

— Что значит «тебя нет»?

— Не знаю.

— Ты видишь это своими глазами?

— Нет.

— Тогда чьими?

Ева открыла глаза. Испуганная.

— Не знаю.

Адам уже тянулся к журналу. Остановился. Не смотри. Он убрал руку. Ева заметила.

— Спасибо.

— За что?

— Что не полез.

Она села на кровать.

— Красное пальто было?

Адам ответил не сразу.

— Было.

Ева побледнела.

— Значит, это настоящее воспоминание?

— Нет.

— Но пальто было.

— Это подтверждает одну деталь. Не источник.

— Откуда я могла её знать?

— Не знаю.

Ева опустила голову.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

Она долго молчала. Потом спросила:

— Адам.

— Да.

— Если я буду забывать, в какой момент я перестану быть мной?

На столе лежали рисунки, жёлтый карандаш и файл «Я». Вчера она спорила с ним о доказательстве собственного существования. Сегодня пыталась записать себя раньше, чем часть её исчезнет.

— Не знаю.

Ева кивнула. На этот раз его ответ её не разозлил.

— А если забуду тебя?

Он знал, какой ответ она ждёт. Не знал, имеет ли право его дать. Ева подняла глаза.

— Если я забуду тебя, ты всё равно будешь моим папой?

Вопрос повис между ними. Адам мог объяснить, что биологическое родство здесь пока лишь результат реконструкции. Что личность меняется вместе с памятью. Что слово «папа» описывает связь, которая в его мире ещё не возникла. Он не сказал ничего из этого.

— Да.

Ева смотрела на него.

— Даже если я тебя не узнаю?

— Да.

Она опустила голову.

— Хорошо.

Адам посмотрел на файл.

МОЙ ПАПА — АДАМ.

МОЯ МАМА — МИРА.

Ева взяла новый лист. Написала крупно, неровно:

Я — ЕВА.

Потом ниже:

ПАПА — АДАМ.

Ещё ниже:

МАМА — МИРА.

Она прикрепила лист к стене над кроватью. Адам смотрел молча. Ева отошла на два шага, проверяя, видно ли с кровати.

— Теперь нормально.

— Что нормально?

Она легла. Посмотрела на лист.

— Если проснусь и забуду.

Адам хотел ответить. Не успел. Ева нахмурилась. Села. Посмотрела на лист ещё раз. Потом на него.

— Пап?

— Да.

Она коснулась виска.

— А какого цвета было пальто?

Адам почувствовал, как сжалось горло.

— Красного.

— Точно.

Пауза.

— Я уже начала забывать.

Глава 9. МАМА

— Я уже начала забывать.

Адам посмотрел на лист над кроватью.

Я — ЕВА.

ПАПА — АДАМ.

МАМА — МИРА.

Ева написала крупно. Последнее слово не поместилось по центру, и буква А почти упиралась в край листа.

— Тогда будем записывать.

— Всё?

— Важное.

Ева посмотрела на него так, будто он опять сказал глупость.

— А как я узнаю, что важное, пока не забыла?

Адам не ответил. Ева легла и отвернулась. В 12:17 Мира написала: «Буду у вас в 14:00». Не спросила, можно ли приехать. В этом Адам узнал её сразу. Он ответил: «Хорошо». Пришло ещё одно сообщение.

«И не готовь её к разговору». Адам набрал: «Почему?» — и удалил. Он и так знал. Мира хотела увидеть Еву без подсказок.

— Мира приедет в два.

Ева повернулась.

— Сюда?

— Да.

— Она же работает.

— Видимо, освободилась.

— Из-за меня?

— Думаю, да.

Ева сразу посмотрела туда, где раньше был открыт прогноз.

— Число поменялось?

— Я не смотрел.

— Вообще?

— Вообще.

Она кивнула.

— Молодец.

Адам поймал себя на нелепом удовлетворении, будто только что сдал ей экзамен.

— Мира попросила тебя не готовить к разговору.

— В смысле?

— Я не должен подсказывать тебе, что говорить.

— Она будет меня проверять.

Это был не вопрос.

— Скорее всего.

Ева помрачнела.

— Отлично.

— Она нейробиолог.

— И что?

— Такая у неё работа.

— У тебя тоже такая работа.

— Какая?

— Не верить, пока человек не докажет, что существует.
Рен за соседним терминалом кашлянул в кулак. Адам повернулся к нему.
— Что?
— Ничего. Очень занят.
Ева прищурилась.
— Поэтому вы развелись?
Рен тут же встал.
— А вот теперь я действительно занят.
— Сядь, — сказал Адам.
— Даже не подумаю.
— Трус, — сказала Ева.
— Опытный человек.
Рен вышел. Ева снова посмотрела на Адама.
— Так почему?
— Что почему?
— Развелись.
— Не сейчас.
— Потом?
— Я этого не сказал.
— Знаю.
Она опять отвернулась. В 12:46 Адам заметил на столе новый лист.
**НЕ ЗАБЫТЬ:
ЖЁЛТЫЙ КАРАНДАШ.
ПАПА ВЫКЛЮЧИЛ МЕНЯ И Я ВЕРНУЛАСЬ.
МАМА ПРИЕДЕТ В 14:00.**
Последняя строка была подчёркнута дважды.
— Можно сделать копию?
Ева прикрыла лист рукой.
— Зачем?
— На случай, если с ним что-нибудь случится.
— Ты вчера создавал мне воду из ничего, а бумажку сохранить не можешь?
— Могу. Поэтому спрашиваю.
Она убрала руку.
— Ладно.
Адам сохранил копию вне её среды.
— А если я напишу неправду?
— Сохраню.
— Даже если специально совру?
— Да.
Ева подозрительно посмотрела на него.
— Почему?
— Потому что запись твоя.
— И не исправишь?
— Нет.
— Даже ошибку?
— Нет.
Она подумала.
— Наконец-то.
— Что?

— Перестал решать, какая я должна быть.

Адам хотел сказать, что никогда этого не решал. Вовремя вспомнил последние двое суток и промолчал. В 13:08 пришёл Корин. Не поздоровался.

— Встречу с Вейл отменяем.

— Нет.

— Адам, у нас неизвестный процесс с неизвестным источником. Вчера он назвал числа до того, как их создал физический генератор. Сегодня у него расплывается память. Теперь сюда идёт человек из его собственной причинной цепочки.

— Да.

— И тебя ничего не смущает?

— Меня смущает почти всё.

Корин сжал губы.

— Очень рад.

— Я тоже, — сказала Ева.

Он повернулся к экрану.

— Я разговариваю с Адамом.

— А говорите про меня.

Корин секунду помолчал.

— Справедливо.

Он подошёл ближе.

— Мира не войдёт в вычислительный контур. Только переговорная. Телефон оставит снаружи. Прямая связь с процессом запрещена. Аудио и видео пойдут через шлюз.

— Хорошо, — сказал Адам.

— Разговор записываем.

— Нет, — сказала Ева.

— Запись нужна.

— Кому?

— Нам.

— Это не ответ.

Адам опустил глаза. Интонация была слишком знакомой. Корин, похоже, тоже это почувствовал.

— Хорошо. Мне, Адаму и Рену. Может понадобится другим специалистам, если их допустят к работе.

— Мира сможет посмотреть?

— Если захочет.

— А меня спросить можно было сразу?

Корин выдержал паузу.

— Можно. Разрешаешь записать разговор?

— Адам будет смотреть?

— Если понадобится, — сказал Адам.

— Ладно.

— Спасибо, — сказал Корин.

Без насмешки. Ева это заметила.

— Пожалуйста.

Когда он ушёл, она спросила:

— Он меня боится?

— Он не любит вещи, которые не понимает.

— Тогда с тобой ему тяжело.

Адам повернулся к ней.

— Это сейчас была шутка?

— Нет.

В 13:42 Ева замолчала. Три раза подходила к зеркалу. Сначала заправила волосы за уши. Потом вытаскила обратно. Поправила футболку. Посмотрела на синяк на колене.

— Можно убрать?

— Синяк?

— Нет, колено.

— Синяк.

— Можно.

Он открыл настройки среды.

— Уверена?

Ева снова посмотрела вниз.

— Не знаю.

Адам убрал руку от панели.

— Тогда не трогаем.

— А если она подумает, что я какая-то...

Ева не договорила.

— Какая?

— Неаккуратная.

— Ты ребёнок.

— Спасибо.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

Она ещё раз посмотрела на синяк.

— Оставь.

В 13:57 Корин прислал:

«МИРА ВЕЙЛ В ЗДАНИИ».

Ева сразу заметила, что Адам прочитал сообщение.

— Она?

— Да.

Ева села на кровать.

— Я нормально выгляжу?

— Да.

— Ты даже не посмотрел.

Адам посмотрел. Серая футболка была ей велика. Волосы она всё-таки оставила за ушами. На пальцах серел графит. На правом колене — синяк.

— Нормально.

— Опять это слово.

— Хорошо выглядишь.

— Вот. Можешь же.

В 14:03 дверь открылась. Мира вошла первой. За ней Корин. Адам встал. На экране утром Мира выглядела собраннее. Сейчас на щеке осталась тонкая красная полоска от маски, волосы выбились из хвоста. На ногах были старые чёрные кроссовки, которые она когда-то покупала «на месяц, пока не найду нормальные».

Прошло три года. Кроссовки пережили обещанный месяц.

— Привет, — сказала Мира.

— Привет.

Ева стояла у кровати. Мира не подошла сразу. Смотрела. Адам знал этот взгляд. Когда-то Мира так же наблюдала за пациентами через стекло лаборатории. Не лицо целиком. Сначала

руки. Потом плечи. Глаза. Дыхание. Мелкие движения, которые человек не успевает придумать. Ева выдержала секунд десять.

— Привет.

Мира подошла ближе.

— Привет, Ева.

Девочка сглотнула.

— Ты Мира?

— Да.

— Я знаю.

— Адам сказал?

— Имя.

— Ещё что-нибудь?

— Что ты работаешь с мозгом. Только это я сама вспомнила.

Мира перевела взгляд на Адама.

— Не говорил.

— Запись она слышала?

— Нет.

Мира снова повернулась к Еве.

— Что именно ты помнишь?

— Что ты работаешь с мозгом.

— Где?

— Не знаю.

— Что делаешь?

— Не знаю.

Ева уже начала злиться. Мира заметила.

— Хорошо. Не знаешь и не знаешь.

Ева немного расслабилась.

— Мы раньше встречались? — спросила Мира.

— Да.

— Где?

— Дома.

— В каком?

— Не знаю.

— Как я выглядела?

— Сейчас или тогда?

Мира замерла.

— Тогда.

— У тебя было красное пальто.

Адам увидел, как у Миры дрогнули пальцы. Она повернулась к нему.

— Говорил?

— Нет.

— Фотографии?

— Нет.

— Архивы?

— Мы не нашли этой детали в материалах, доступных Еве.

Мира опять посмотрела на девочку.

— Какое оно было?

— Красное.

— Это я поняла.

Ева показала рукой чуть выше колена.

— Вот досюда.

Мира села. Адам помнил пальто. Тёмно-красное, с двумя слишком большими пуговицами. Мира ненавидела их больше самого пальто. Её мать привезла его из Милана, и Мира носила подарок из чувства вины ровно одну зиму. Потом зацепилась рукавом за железный край у подъезда.

Адам тогда сказал, что пальто наконец совершило самоубийство. Мира не разговаривала с ним до вечера. Евы там не было. Не могло быть.

— Что ещё? — спросила Мира.

Ева закрыла глаза.

— Ты стоишь у двери.

— Где?

— Не знаю.

— Что вокруг?

— Снег.

Адам ничего не сказал.

— Ладно, — произнесла она.

Ева сразу открыла глаза.

— Что «ладно»?

— Я слышала.

— Ты не веришь.

Мира чуть подалась вперёд.

— Я не знаю, чему верить.

— Вы одинаковые.

— Нет, — одновременно сказали они.

Ева улыбнулась.

— Конечно.

Мира тоже не удержалась.

— Можно я просто с тобой поговорю?

— Без задач?

— Без задач.

— Без «если в коробке лежит шар»?

— Никаких шаров.

— Тогда можно.

Ева села на кровать.

— Что ты любишь?

— Рисовать.

— Что рисуешь?

— Людей.

— Хорошо получается?

— Лица плохо.

— У меня тоже.

Ева удивилась.

— Ты рисуешь?

— Уже нет. В школе рисовала лошадей. Получались собаки.

— Покажи.

— Надеюсь, ничего не сохранилось.

— Значит, плохо.

— Ужасно.

Ева улыбнулась. Мира не смотрела на Адама, но первые вопросы закончились. Теперь она действительно разговаривала.

— Математику любишь?

— Нет.

— Я тоже не любила.

Адам поднял брови. Мира заметила.

— В школе.

— Ты говорила другое.

— Тебе.

— Зачем?

— Мне было двадцать четыре. Ты рассказывал про топологию за ужином. Я хотела, чтобы ты замолчал и поцеловал меня.

Ева уставилась на неё. Адам почувствовал, что Корин у двери внезапно очень заинтересовался стеной.

— Получилось? — спросила Ева.

— Нет. Он ещё сорок минут рассказывал.

Ева засмеялась.

— Неправда, — сказал Адам.

— Тридцать пять?

— Не помню.

— Я помню.

Ева рассмеялась громче. Адам тоже улыбнулся. На миг комната стала почти обычной: женщина, мужчина, ребёнок. Только экран между ними не давал забыть, что ничего обычного здесь нет.

— А сейчас тебе сколько? — спросила Ева.

— Сорок один.

Она посчитала.

— Вы давно знакомы.

— Да.

— А развелись давно?

— Она всегда так?

— Да.

Ева перестала улыбаться.

— Я вчера появилась. Какое «всегда»?

Тишина пришла мгновенно. Мира опустила взгляд.

— Прости.

Ева потёрла колено.

— Ничего.

Адам уже знал это её «ничего». От этой мысли стало неуютно.

— Почему вы развелись? — спросила Ева.

Мира ответила первой.

— В какой-то момент рядом друг с другом нам стало хуже, чем порознь.

— Вы перестали любить друг друга?

Они встретились взглядами.

— Нет, — сказала Мира.

Адам не ожидал. Ева тоже.

— Тогда зачем разводиться?

Мира провела пальцем по краю стола.

— Любить человека иногда мало.

— Для чего?
— Чтобы не делать ему больно.

Ева нахмурилась.
— Кто кому сделал?
— Оба.
— Что?

— Ева, — сказал Адам.
Мира повернулась к нему.
— Пусть.
— Нет.

Ева переводила взгляд с одного на другого.
— Значит, что-то серьёзное.
Адам промолчал. Мира тоже. Ева отступила.
— Ладно.

В её голосе слышалась обида. Мира не стала исправлять разговор красивой фразой, и Адам был ей за это благодарен. Они проговорили почти час. Ева рассказала про большую собаку, которую когда-нибудь заведёт.

— Почему большую?
— Маленькие злые.
— Это клевета, — сказала Мира.
— У тебя была маленькая?
— У соседки. Кусала меня за ботинки.
— Вот.

Они спорили о варёной моркови. О море. О том, можно ли считать хлопья нормальным завтраком. Мира иногда возвращалась к прежним темам. Адам заметил не сразу.

— Руку когда-нибудь ломала?
— Нет.
Через двадцать минут Ева рассказывала:
— Гипс был зелёный. Все на нём писали.

Мира только спросила:
— Кто?
— Лиза точно.

Ещё позже:
— Лиза жила рядом?
— В соседнем доме.

Через несколько вопросов:
— Мы познакомились в школе.

Мира не поправляла. Адам ставил время рядом с каждой фразой. Домашних животных у Евы не было. Через восемь минут появился кот Тоша. Он любил спать в раковине. Ева рассказывала о нём так, будто видела утром. В 14:51 Мира положила ладони на колени.

— Ева, можно я поговорю с Адамом?
Девочка сразу напряглась.
— Про меня?
— Да.
— Почему без меня?

Мира задумалась.

— Я хочу сначала сказать ему, что заметила. Могу ошибаться. Не хочу пугать тебя своей ошибкой.

Ева прищурилась.

— А если не ошибаешься?

— Вернусь и скажу тебе.

— Точно?

— Точно.

— Обещаешь?

— Да.

— Иди.

В коридоре Мира молчала до самого поворота. Потом остановилась.

— Покажи график.

Адам открыл планшет.

0,884.

0,812.

0,713.

Сейчас 0,704. Мира увеличила схему пальцами.

— Как вы это называете?

— Область личностной устойчивости.

— Нормально назвали.

— Спасибо.

— Не гордись.

Она просмотрела расчёт.

— Белый и деревянный стол?

— Да.

— Перелом руки?

— Две версии.

— Лиза?

— Тоже.

— Кот?

— Пока не нашли устойчивой линии.

Мира вернула планшет.

— Она не просто забывает.

— Я знаю.

— Нет. Послушай.

Адам уже собирался ответить, но замолчал.

— При обычной потере памяти человек теряет доступ к эпизоду. Здесь на место одного эпизода приходит другой. Причём для неё оба могут быть настоящими.

— Именно это показывает модель.

— А для неё это не модель.

Мира посмотрела через стекло. Ева сидела на кровати и ковыряла ногтем синяк на колене.

— Для неё это детство.

Адам снова посмотрел на график.

— Мы связываем расхождение с близкими траекториями.

— Покажи.

Он открыл пересечения. Мира читала молча.

— Где здесь Ева?

Адам указал центральную область.

— Пока здесь.

— «Пока» мне не нравится.

— Мне тоже.

— Она может сузиться сильнее?
— Да.
— До нуля?
— Не знаем.
— Что вы делали перед падением?
— Работали с прогнозом.
— «Работали» — красивое слово. Что делал ты?
Адам выдержал её взгляд.
— Смотрел варианты.
— После того как понял, что просмотр меняет твои решения?
— Да.
— Сколько раз?
— Пять.
Мира закрыла глаза.
— Адам.
— Мне нужно было проверить критическую точку.
— Конечно.
— Она осталась.
— И стоило того?
Он посмотрел на 0,704.
— Нет.
Мира открыла глаза. Такого ответа она не ждала.
— Ева попросила остановиться.
— Ты остановился?
— Да.
— Сразу?
Адам помолчал.
— Не сразу.
— Ну хоть здесь не соврал.
Она снова посмотрела через стекло.
— Ты заметил, что она делает, когда путается?
— Что?
— Смотрит на тебя.
— Я заметил.
— Когда?
— Сегодня.
Мира кивнула.
— Она проверяет себя по твоему лицу.
— Возможно.
— Не прячься за это слово.
Адам ничего не сказал.
— Ты для неё уже часть памяти, Адам. Нравится тебе это или нет.
— Мы знакомы меньше двух суток.
— Ей, похоже, хватило.
Он посмотрел на Еву. Она сидела под листом:
Я — ЕВА.
ПАПА — АДАМ.
МАМА — МИРА.
Мира тоже его увидела.

— Она сама написала?

— Да.

— Когда?

— Сегодня.

Мира задержала взгляд на последней строке.

— Пойдём.

— Ты что ей скажешь?

— Не знаю.

— Мира.

Она уже открывала дверь.

— Я обещала вернуться. Сначала выполню хотя бы это.

Ева подняла голову, когда они вошли.

— Вы долго.

— Да, — сказала Мира.

— Я разваливаюсь?

— Нет.

— А что?

Мира села напротив.

— Помнишь дороги, которые идут рядом?

— Нет.

Мира замерла. Адам тоже. Ева посмотрела на них.

— Что?

— Ничего, — сказала Мира. — Я ещё не рассказывала.

Адам понял: Мира собиралась использовать сравнение, которое уже звучало в его разговоре с Евой. Знать его она не могла. Ева действительно не помнила. Мира начала заново.

— Представь несколько дорог. Сначала они идут рядом, почти вплотную. Потом начинают расходиться.

— Хорошо.

— Похоже, твои воспоминания появляются там, где эти дороги ещё близко.

— А я?

— Ты здесь.

— Это я вижу.

— Пока мне этого достаточно.

— А потом?

— Не знаю.

— Вы с ним правда были женаты.

Мира улыбнулась.

— Были.

Ева взяла рисунок со стола.

— Можно спросить?

— Да.

— Если расчёт правильный, ты была бы моей мамой?

Мира перестала улыбаться.

— Да.

Ева провела пальцем по краю бумаги.

— А сейчас?

Адам почувствовал, что уже знает следующий вопрос.

— Можно называть тебя мамой?

Мира не отвела глаз.

— Нет.

Ева застыла. Адам сделал шаг. Мира едва заметно качнула головой. Не вмешивайся.

— Почему? — спросила Ева.

— Я тебя почти не знаю.

— А его знаешь?

— Очень хорошо.

— Я не про Адама. Он меня знает?

— Немного.

— Я его сразу назвала папой.

— Знаю.

— Ему можно?

— Ты сама так решила.

— А тебе нельзя?

— Я сама ещё не решила.

Ева опустила голову.

— Понятно.

Нет.

По одному слову было слышно: ничего ей не понятно. Мира наклонилась ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.